

**ИИСУС -
КРУШЕНИЕ
БОЛЬШОГО
МИФА**

16+

ЕВГЕНИЙ НЕД

Евгений Нед

Иисус – крушение большого мифа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28731095

SelfPub; 2021

Аннотация

Кем был Иисус Христос в своем прошлом?.. Почему его прошлое нам совершенно неизвестно?.. Что представляет собой общеизвестная история его жизни – правду, или Большой Миф?.. Что может дать современному миру знание правды об Иисусе и его подлинном учении?.. На эти и многие другие вопросы вы найдёте ответы в книге почетного доктора богословия, около двадцати лет жизни посвятившего церкви, порвавшего с ней в 2003 году, но оставшегося убежденным верующим и не прекратившего своих исследований. Книга является плодом многолетнего тщательного и непредвзятого изучения библейских и других древних текстов и фактов истории.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Рождество, которого не было.	8
Глава 1. Официальная версия прошлого Иисуса.	8
Глава 2. Несуразности официальной версии.	13
Несуразность Первая. Противоречия.	13
Несуразность Вторая. Громкое молчание всего Нового Завета.	18
Несуразность Третья. История о Марии, считавшей Иисуса... бесноватым!	24
Глава 3. Три столетия без историй о Рождестве.	36
Глава 4. Император Константин Великий, как творец христианской церкви.	52
Глава 5. Иисус, как «античное божество»...	58
Глава 6. Рождество и Отцы Церкви.	63
Глава 7 и Семь аргументов против.	69
Глава 8. Иисус Христос и остальные люди: эксклюзивность или «Я сказал – вы... боги»?	72
Глава 9. Рождество – выдумка, да здравствует Рождество!..	82
Часть II. Иисус Христос – жизнь, «которой не было».	86

Раздел I. Детско-отроческий период.	86
Глава 1. «Евангелие детства от Фомы».	86
Глава 2. Странности молчания и запретов.	93
Глава 3. Слишком предосудительная информация...	99
Глава 4. Совсем не ласковое детство – отношения с матерью...	110
Глава 5. Отношения с отцом.	128
Глава 6. Побег из семьи...	132
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Евгений Нед

Иисус – крушение большого мифа

Предисловие

Какие эмоции вызывают у нас простых два слова: Иисус Христос? Думаю, едва ли будет ошибкой сказать, что у подавляющего большинства людей эти эмоции далеки от того, что можно было бы назвать живым интересом и искренним любопытством. В самом деле, что тут может быть живого и интересного? Объект поклонения в христианской религии, про который, за почти два тысячелетия, всё уже было миллион раз сказано, рассказано и пересказано...

Примерно таким сложилось и мое личное отношение к Иисусу Христу после почти 20 лет служения христианским проповедником и пастором, в ходе которого мне удалось и христианскую радиостанцию открыть (и 10 лет руководить ею), и звание почетного Доктора богословия получить. Однако, в начале 2000-х я окончательно убедился, что христианская религия является ничем иным, как гигантской системой манипулирования сознанием людей с помощью идеоло-

гии, представляющей собой странную смесь, в которой отдельные – действительно прекрасные! – мысли и идеи, тонут в огромном массиве откровенных выдумок, сказок и мифов, основным смыслом которых является запугивание и подчинение.

В тот период мои официальные отношения с христианской церковью прекратились, я, что называется, «вышел из рядов», а вышедши – решил досконально разобраться во всём этом информационно-смысловом «миксе» христианства, и, прежде всего, в той части этого микса, которая касалась непосредственно личности, жизни и учения Иисуса Христа.

На эти «разборки» ушел не один год детального изучения текстов как самой Библии, так и тех древних рукописей, что не были признаны церковью каноническими, плюс фактов античной истории периода формирования христианства, а так же – некоторых античных литературных свидетельств. Изучение и сопоставление всех этих материалов, сложилось в итоге в пазл настолько яркий, неожиданный и поражающий воображение, что могу точно сказать – знакомство с ним не заставит вас скучать!

Как оказалось, на 90% жизнь Иисуса Христа была церковью либо засекречена (в том, что касается ее начального периода), либо – как это ни покажется странным! – **попросту неизвестна** самой церкви (в том, что касается ее второй половины и завершения), а смысл его учения и деятельности

был мифологизирован и искажен, с целью приспособления его для запугивания и манипулирования людьми.

Каким же был на самом деле тот Иешуа из Назарета, который всем известен под именем Иисуса Христа, какой на самом деле была его жизнь и чему он на самом деле учил? Неожиданные и совсем никак не скучные ответы на эти вопросы – в книге, которая перед вами!

Часть I. Рождество, которого не было.

Глава 1. Официальная версия прошлого Иисуса.

Что нам известно об истории жизни Иисуса Христа? Что известно о начальном периоде его жизни, о его рождении, детстве, отрочестве, юности? Как ни странно это может прозвучать для очень многих людей, знакомых с новозаветными текстами, но я вынужден сказать, что нам об этом не известно практически ровным счетом ни-че-го...

И хотя все привыкли к этому факту, как к чему-то само собой разумеющемуся – ну, неизвестно и неизвестно, что тут такого? – на самом деле, это по-настоящему весьма и весьма странный факт. Более того – это попросту *небывалый* факт для истории человека, считающегося основателем одной из мировых религий! Только сравните этот информационный дефицит, с тем изобилием информации о детстве-отрочестве-юности и Будды, и Моисея, и Мухаммеда, и Конфуция. Про Иисуса же его последователи, писавшие о нем книги, почему-то не оставили нам ровным счетом никаких

сведений такого рода.

Но как же так, скажет любой знакомый с текстом Нового Завета читатель, как же так – «не оставили», если и в Евангелии от Матфея, и в Евангелии от Луки имеются хорошо известные истории Рождества? В них рассказано и о рождении Иисуса, и о первых годах его жизни, а так же есть и одна история периода его отрочества. Так что, говорить о «ни-чего» – по меньшей мере, просто неуместно.

Что ж, совершенно верно, истории Рождества в Новом Завете имеются, и именно их мы и собираемся здесь проанализировать, для чего вспомним, для начала, их краткое содержание...

Некоей, ничем не примечательной еврейской девушке по имени Мариам (Мария), проживавшей в деревушке под названием Назарет, неожиданно является Ангел, торжественно возвещающий, что она чудесным образом, без участия мужчины, непосредственно от Бога забеременеет и родит Божественного младенца, который будет называться Сыном Бога, и которому предназначено быть Царем Израиля. После этого Ангел является также и ее будущему мужу Иосифу, разъяснив ему, почему и каким образом девушка, которую он взял в жены, оказалась вдруг беременной.

Впоследствии Ангел явится Иосифу еще раз, чтобы дать указание всему семейству бежать с новорожденным Иисусом в Египет от репрессий царя Ирода. Являлись Ангелы так же и группе безвестных пастухов, почему-то именно им

возвестив о рождении Божественного Младенца. Была еще и некая группа восточных магов-астрологов, вычисливших появление на свет Великого Царя и пришедших поклониться Младенцу, принеся ему богатые дары.

А до всего этого, был еще визит беременной Марии к ее родственнице Елизавете, в то время тоже беременной будущим Иоанном Крестителем, визит, во время которого Елизавета, по откровению от Бога, назвала Марию «матерью Господа моего». А еще – пророчества об Иисусе, как о Мессии, произнесенные праведником Симеоном и пророчицей Анной, когда Иосиф и Мария с младенцем пришли в храм для совершения обряда очищения.

Есть так же одна история из отроческого периода Иисуса, рассказывающая о том, как он в 12 лет настолько заговорился с мудрецами в Иерусалимском храме, поражая их своей мудростью, что даже отстал от своих родителей, покинувших Иерусалим вместе с расходившимися после праздника Пасхи паломниками.

Что ж, хотя информационное поле рождественских историй не очень обширно, но все же, необходимо признать, что это и далеко не провозглашенное мной «ни-че-го». И причем, вы только посмотрите, какая в них информация! Все чудесно, знаменательно, необычно, все явно выделяет Иисуса из числа всех прочих людей...

Зачатие – предвозвещенное Ангелом, «непорочное», «не от мужа», а непосредственно от Бога, от Святого Духа. Рож-

дение – внешне хотя и в более чем скромной обстановке, в простом хлеву, но зато, опять же, при совершенно чудесных явлениях Высших сил. Ангел, возвещающий весть о рождении Мессии изумленным пастухам, целые «воинства небесные», тожественно воспевающие хвалу Богу. А потом – волхвы с Востока с дарами, пророки, пророчествующие великое о Младенце...

Все настолько насыщено невероятными и чудесными Божественными проявлениями, что... просто сам собой возникает вопрос: а, попросту, не сказки ли все это?

Причем понятно, конечно, что «есть ли невозможное для Бога?». Особенно с учетом того, что кое-что из «невозможного» и называвшегося «чудом» тогда (например, зачатие без полового акта между мужчиной и женщиной), сегодня является рутинной медицинской процедурой. То есть, вопросы к достоверности историй Рождества лично у меня возникают вовсе не относительно возможностей Бога, по определению обладающего всемогуществом.

Вопросы у меня возникают вообще не относительно Бога. Вопросы у меня возникают относительно *текста*. Текста, который, каким священным и «богодухновенным» его ни считай, все-таки является результатом тоже и прямого *человеческого* участия в процессе его составления, а потому и вопросы к нему очень даже возможны. И эти вопросы я собираюсь задать, и ответы на них – отыскать.

Надо сказать, что вопросы к историям Рождества возни-

кали у меня и раньше, еще в бытность мою активным и достаточно успешным религиозным деятелем. Но до ответов, до правды я тогда просто пугался докапываться, интуитивно ощущая, что эта правда может самым разрушительным образом сказаться на всей системе моих убеждений, а значит – и на моей долгой и успешной религиозной карьере. И пока я не был готов ставить под удар свою налаженную жизнь, рисковать потерять «все, что нажито непосильным трудом», я все потенциально опасные вопросы просто откладывал по-дальше, в самый дальний угол самого долгого ящика...

Но время пришло, правды захотелось больше, чем налаженного благополучия, все складированные доселе в «долгих ящиках» вопросы были постепенно извлечены, и спустя еще годы исследований и поисков, обрели свои ответы. И вот, что в итоге стало вырисовываться в отношении историй Рождества.

Прежде всего, стали очевидны *явные несуразности...*

Глава 2. Несуразности официальной версии.

Несуразность Первая. Противоречия.

Первая (самая очевидная, но не самая критичная) несуразность, заключается в том, что описания событий Рождества в Евангелии от Матфея и в Евангелии от Луки, представляют собой *две совершенно разные истории*.

Истории эти не совпадают между собой, начиная уже со списков *родословия Иисуса Христа*. Версия традиционного христианского богословия, заключающаяся в том, что одно родословие составлено по линии Иосифа, а второе – по линии Марии, что и объясняет их различия, выглядит более чем искусственной. Во-первых, в древнем Израиле родословия по линии матери составлять было вовсе не принято, а во-вторых – и это главное, – эта версия никак не опирается на тексты самих Евангелий. Ни у Матфея, ни у Луки нет ни слова о том, что какое-то из родословий составлялось по линии матери, – оба подаются как родословия по линии Иосифа, то есть по линии отца.

Наличие же в текстах, описывающих, вроде бы, одно и то же событие, двух совершенно разных версий – это явный

признак наличия элементов недостоверности. Сразу обе версии родословной Иисуса правдой быть не могут, что означает недостоверность как минимум одного из вариантов, либо же – их обоих.

Продолжая изучение и сравнение имеющихся в нашем распоряжении двух рассказов о Рождестве, мы скоро обнаружим, что для перечисления их общих элементов нам пальцев даже и одной руки будет слишком много, поскольку общего в этих рассказах лишь то, что:

- мать Иисуса звали Мария (Мариам) и что она, будучи девственницей, забеременела от Святого Духа;

- что Иосифу, за которого она должна была выйти замуж, являлся Ангел, объяснивший ему сакральность беременности его невесты, в результате чего Иосиф все-таки взял Марию в жены;

- и что Иисус родился в городке под названием Вифлеем.

Правда, в дополнение к этому, необходимо упомянуть еще о том, что как в одном, так и в другом рассказе встречается общее упоминание о городке под названием Назарет, но поскольку истории, связанные с ним, уже существенно разнятся между собой, в общий список совпадений я его не включил.

Судите сами. В варианте Матфея, Назарет появляется только в самом конце рождественского повествования, когда Иосиф с семьей уже возвращается после бегства в Египет, и, выбирая, где им поселиться, по неназванным причинам

останавливается на варианте Назарета. У Луки же и Иосиф, и Мария – изначально(!) являются жителями именно Назарета. По Луке, именно в этом городке они и встречаются, и женятся, и живут в дальнейшем. Собственно, там же должен был бы и родиться Иисус, но этого не случилось, поскольку к самому сроку родов Иосифу с семьей пришлось временно перебраться в Вифлеем в связи с объявленной римскими властями переписью населения.

При этом никакой переписи населения и связанного с ней временного переезда из Назарета в Вифлеем, нет у Матфея. А у Луки нет никаких репрессий против младенца со стороны царя Ирода Великого, нет никакого избиения младенцев в Вифлееме, нет никакого бегства Святого Семейства в Египет и, соответственно, никакого оттуда возвращения...

Не было, по Матфею, никаких Ангельских хоров в ночь Рождества, и никаких пастухов, которым эти хоры являлись, и которые в ту же ночь пришли к месту рождения Иисуса по любопытствовать, что случилось и рассказать Иосифу и Марии о своих видениях. Зато по Луке не было никаких восточных магов и чародеев (волхвов), увидевших на небе некую звезду, возвещавшую рождение Великого Царя, и прибывших, с богатыми и символическими дарами в Израиль для поклонения рожденному. При этом звезда не просто возвестила им о рождении Царя, но не хуже современного навигатора привела магов прямо к нужному адресу.

Собственно рождественская версия Матфея ограничива-

ется лишь тремя чудесными явлениями: чудесным зачатием, появлением волхвов, ведомых чудесной звездой и чудесным спасением от репрессий Ирода. И остается только удивляться, почему в куда более просторную и богатую на чудеса версию Луки, не вошли ни волхвы, ни бегство в Египет. Разве это такая уж малозначимая ерунда, о которой (если, конечно, эти события и впрямь имели место быть) не стоит даже словечком обмолвиться в своем просторном и составленном, по собственному заверению, «*по доскональному изучению всего*», повествовании?

И не менее остается поражаться либо неинформированности, либо весьма странной лениости Матфея, ничего не написавшего ни о родственных связях и контактах Марии и Елизаветы (матери Иоанна Крестителя), ни о пророческих откровениях относительно Иисуса как самой Елизаветы, так и еще двух других почтенных персонажей, завсегда-таев Иерусалимского храма, ни – самое главное! – о чудесах непосредственно Рождественской ночи.

Ну, ладно там, родственные связи (они в дальнейшем повествовании даже у самого Луки больше никак не проявляются), ладно даже и пророческие откровения, но разве подробности самой ночи Рождества заслуживают того, чтобы их полностью проигнорировать, как это, получается, сделал Матфей в своем Евангелии, не упомянув о событиях, описанных у Луки?!

Нет, разумеется, не стал бы ни один, ни другой Еванге-

лист ничего «игнорировать» в своих писаниях, если бы события Рождества действительно были правдой. Не стал бы уже просто потому, что их не стал бы «игнорировать» в своих беседах и рассказах их главное действующее лицо – Иисус Христос.

Он непременно рассказал бы о таких поистине грандиозных и важнейших событиях своим ученикам и друзьям, рассказал бы все подробно и – главное! – *точно*, а они *непрерывно* отразили бы это в своих писаниях или передали устно уже своим ученикам, а те постарались бы записать все услышанное с максимальной точностью.

И в таком случае мы сегодня читали бы о Рождестве истории, которые, если и разнились бы друг от друга в силу естественных отличий в восприятии и особенностей памяти у каждого человека, то разнились бы процентов на десять, на девяносто же совпадая друг с другом. Однако реальная ситуация с этими историями ровно обратная: в Евангелиях от Матфея и от Луки они процентов на десять совпадают друг с другом, на девяносто же – полностью разнятся!

Безусловно – это явная, очевидная несуразность, свидетельствующая о недостоверности историй Рождества. Но, как уже было сказано, это – несуразность первая, но не единственная.

Несуразность Вторая. Громкое молчание всего Нового Завета.

Несуразность вторая и чрезвычайно показательная – это сам по себе факт того, что эти истории содержатся только в *двух* из *двадцати семи* книг Нового Завета.

Из *четырёх Евангелий*, книг, главной целью которых является жизнеописание Иисуса Христа, *два вообще ничего(!)* не говорят об обстоятельствах его появления на свет. Ни Евангелие от Марка, – *первое по времени написания!* – ни Евангелие от Иоанна, написанное последним, не содержат в себе ни единого слова на сей счет. И это не только чрезвычайно странно – это вообще никак *необъяснимо*, если только все вышеперечисленные чудесные явления Рождества происходили на самом деле.

Но, может быть, стоит предположить, что евангелист Марк мог, скажем, попросту не знать об этих событиях, и потому не упомянуть о них? Ведь Марк в число первых учеников Иисуса не входил и лично его не знал. Так, может быть, он поэтому и о Рождестве ничего не знал?

Нет, это совершенно невозможно, если события Рождества действительно происходили! Хотя Марк и не был в числе первых учеников Христа, но он был учеником этих первых учеников, от которых он и услышал все то, о чем напи-

сал затем в своей книге, в своем Евангелии. Так что если о Рождестве знали Апостолы – не мог не знать и Марк.

И уж точно не может быть сомнений в том, что о Рождестве должен был знать тот, кто сам был Апостолом, а именно – автор четвертого Евангелия, Апостол Иоанн. Почему же, в таком случае, он-то ничего не упомянул о чудесном Рождестве в своем Евангелии?

Но, может быть, и Марк, и Иоанн, зная обо всех этих событиях, просто не придали им особого значения, посчитали, что их вовсе не обязательно включать в жизнеописание Иисуса Христа?

Абсолютно невероятно! С тем же успехом можно допустить, например, что некие сегодняшние биографы, скажем, Папы Римского, получив *достоверную* информацию о зачатии будущего Папы не от земного папы, а от Святого Духа, решили бы не упоминать об этом в своих трудах ввиду «малой значимости» данного обстоятельства!..

Причем, если в отношении Иоанна еще и можно, с колоссальными натяжками, сделать невероятное допущение, что он не счел нужным тратить свое время на описание Рождества, поскольку де «уже и так все описано, кому интересно – читайте у Матфея и Луки!», то в отношении Марка даже и этого предположить невозможно.

Марк, напомню, писал свое Евангелие, когда ни Матфей, ни Лука еще ничего не написали, и уж он-то никак не мог рассчитывать на то, что если он в своем манускрипте и про-

пустит рассказ о событиях Рождества, то об этом смогут прочесть у других. И потому молчание Марка в этих условиях не только *абсолютно необъяснимо* – оно, к тому же, еще и *абсолютно недопустимо*, поскольку равносильно прямому сокрытию информации.

Так что молчание Марка о Рождестве может иметь только одно объяснение: *Марк ничего не знал об этих историях. Не* знал *и* не написал, – это естественно и понятно. А *знал, но не написал* – это настолько непонятно, настолько психологически противоестественно и недопустимо с точки зрения ответственности автора за точность и полноту передаваемой информации, что такой вариант попросту совершенно невозможен.

Да, мягко говоря, более чем странным выглядит это «громкое молчание» о событиях Рождества двух из четырех биографов Иисуса Христа. Но странность и несуразность ситуации еще более возрастает, если обратить внимание на то, что даже и в самих Евангелиях от Матфея и от Луки, о Рождестве говорится *исключительно в рамках самих историй Рождества*, – только в первых двух главах этих книг.

Как только эти главы заканчиваются – больше никаких упоминаний о Рождестве ни у Матфея, ни у Луки мы не найдем. Ни слова о нем ни в одном из речений Иисуса... Ни словом не упоминает о нем Мария... Ни разу не упоминает о Рождестве ни один ученик Иисуса, ни в одном из их разговоров, как с Иисусом, так и между собой...

А поскольку ни разу не упомянуто о них и ни в одном из Посланий, написанных этими учениками, когда они стали уже Апостолами новой религии, то сквозь покровы и рамки традиционных взглядов на Библию, начинает ясно вырисовываться очень любопытная картина.

Я уверен, что подавляющее большинство христиан (так же, как в свое время и я сам) никогда не обращали внимания на достаточно очевидный текстологический факт: *если убрать первые две главы из Евангелий от Матфея и от Луки, то из всего остального содержания всего Нового Завета никто, никогда и ничего не узнает ни о каком Рождестве!*

Что, согласитесь, более чем странно. Особенно, учитывая ту историческую реальность, что вплоть до 4-5 веков нашей эры никаких сборников произведений христианских авторов (как привычный сегодня Новый Завет) не существовало, так что большинство христиан было знакомо лишь с какой-то частью этих произведений.

А это значит, что в тех общинах, где по разным причинам, были знакомы, скажем, лишь с Посланиями Апостолов и Евангелием от Марка, христиане могли даже и не догадываться ни о «непорочном зачатии», ни обо всем том, что в дальнейшем легло в основу культа поклонения Христу, как Богу. То есть, они могли оказаться незнакомыми с совершенно фундаментальными христианскими догматами, по какой причине столетиями(!) пребывать в «ересях» и «заблуждениях», что по христианскому вероучению вело их прямо в

ад, на вечные муки!

И кто же был бы виноват в возникновении этих ересей и заблуждений у целых христианских групп, и в их соответствующих последствиях? Не только промолчавшие о Рождестве Евангелисты Марк и Иоанн, но плюс еще апостолы Петр, Павел и другие – все те основатели христианской религии, которые в своих произведениях почему-то «не сообразовали» ни словом упомянуть о событиях Рождества.

Могли ли почтенные Апостолы и Евангелисты не понимать и не предвидеть всех этих возможных последствия своего молчания о Рождестве? Разумеется, не могли! А потому, не отказывая почтенным Апостолам и Евангелистам в понимании столь очевидных вещей, придется констатировать, что «рождественское молчание» не только Марка и Иоанна, но и всех других авторов Нового Завета может иметь только одно объяснение.

Все они, все «промолчавшие авторы» новозаветных писаний, никаких рождественских историй попросту *не знали*. Знали бы – непременно описали бы все и в мельчайших деталях!

Однако это еще не все – здесь напрашивается еще один вывод, столь же очевидный, сколь и неожиданный. *Если о Рождестве ничего не знали «новозаветные молчуны», то это может означать лишь одно: в компании Апостолов и их ближайших учеников, этих историй не мог знать... никто!*

В узкой и сплоченной группе единомышленников, исто-

рии такого содержания и значимости попросту не могли бы не обсуждаться, многократно и подробно, абсолютно между всеми, входившими в группу, а потому, соответственно, и знать их должны были не иначе, как именно все. Если же вдруг выясняется, что несколько человек из этой группы таких историй точно не знали, это может значить одно: эти истории в группе вообще никогда не обсуждались, чему может быть только одна причина – их в этой группе никто не знал.

И вот тут стоит насторожиться. Ведь «никто» значит именно «никто», из чего следует, что и Апостол Матфей, и Евангелист Лука, в чьих Евангелиях и наличествуют истории Рождества, на самом деле этих историй... не должны были знать!

Согласитесь, возникает явный и весьма странный парадокс. С одной стороны, истории Рождества в Евангелиях от Матфея и от Луки имеются, а с другой стороны, анализ ситуации с авторами этих Евангелий приводит к выводу, что они никак этих историй знать не могли!

Но, если это так, тогда откуда эти истории взялись в Евангелиях от Матфея и от Луки? Хороший, как говорится, вопрос...

И на этот хороший вопрос мы найдем ничуть не менее хороший ответ, но сделаем это чуть позже, после того, как ознакомимся с еще одной – и весьма существенной, – несуразностью в евангельских текстах, связанных с Рождеством. Так что «хороший вопрос» пока запомним и сделаем неболь-

шое, но необходимое отступление на пути к хорошему же на него ответу.

Несуразность Третья. История о Марии, считавшей Иисуса... бесноватым!

Несуразность, о которой идет речь, связана с эпизодом, имеющимся в обоих Евангелиях (Мф. 12:46-50, и Лк. 8:19-21), в которых имеются истории Рождества, но при этом смысл данного эпизода настолько противоречит этим историям, что остается только поражаться тому, как они вообще могли оказаться в одном повествовании.

Ведь согласитесь, что эпизод, в котором Иисус вдруг проявляет прямую грубость и пренебрежение по отношению к своей матери, совсем не вяжется с идиллическими рождественскими картинками... А уж когда удастся выяснить мотивационную подоплеку этой истории, невозможность ее смыслового согласования с историями Рождества становится просто вопиющей!

Но – обо всем по порядку...

В эпизоде, о котором идет речь, описывается ситуация, когда к Иисусу, беседовавшему с народом в некоем доме, приходит его мать Мария в компании с другими своими детьми – братьями и сестрами Иисуса. Придя, они обнаруживают, что не могут пробиться к нему из-за многочислен-

ности посетителей, заполонивших весь дом и даже стоявших на улице. Тогда Мария просит кого-нибудь передать Иисусу, что она, с его братьями и сестрами, стоит на улице и хочет увидаться и поговорить с ним. Просьбу ее исполняют, и сообщают Иисусу весть об ожидающих его на улице родственников. И с этого момента обычная, казалось бы, житейская ситуация, начинает вдруг приобретать неожиданный и странный оборот...

В ответ на это, согласитесь, совершенно нормальное известие и абсолютно естественную просьбу, Иисус реагирует, вдруг, не просто резко, а, по непонятным причинам, крайне негативно и даже агрессивно! Он не благоволит попросить народ чуть-чуть расступиться и пропустить к нему хотя бы его мать; он не пытается отложить на время свои беседы и сам выйти к ней навстречу, оказав ей сыновью любовь и почтение; он даже не пытается просто вежливо попросить своих родных подождать, пока он освободится...

Вместо всего этого, он не просто категорически отказывается выйти к ним, но и облекает свой отказ в форму практически *публичного отречения от них!*

Судите сами. Вот как все это описано у Матфея: *«Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот, Матерь твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобой. Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Сво-*

их, сказал: вот мать Моя, и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12:46-50).

На этом описание эпизода обрывается, оставляя читателя в смутном, неприятном удивлении: зачем же так-то?..

Ведь только представить себе его мать, которая всего-то пришла увидеться и поговорить с сыном! Мать, стоящую и ждущую на улице, и вдруг получающую от каких-то людей ответ, что сыну не просто недосуг с нею пообщаться, но что вообще – она ему ничуть не дороже и не ближе всех тех посетителей, что окружают его в данный момент, и потому она вполне может отправляться себе восвояси. Что она, по всей видимости, и сделала, побредши по дорожной пыли, в окружении других своих детей, туда, откуда пришла...

Даже сегодня, когда почтение к родителям отнюдь не занимает столь высокого места в системе нравственных ценностей, как это было раньше, такого рода поступок воспринимается, как крайне грубый и предосудительный. А уж в то время, когда в иудейской среде заповеди Моисеевы были непреложным законом жизни и за их нарушение сурово карали вплоть до смертной казни – в то время такой поступок, явно нарушающий пятую заповедь Десятисловия Моисеева, был чем-то совершенно из ряда вон выходящим!

Этот поступок тем более странен для Иисуса, что он сам не раз ссылаясь на непреложную необходимость выполнения этой заповеди в своих спорах с фарисеями, когда обви-

нял их в том, что некоторыми своими правилами они косвенно нарушают закон о почитании родителей (Мф.15:1-6; Мр. 7:1-13). И как же так могло получиться, что обвиняя кого-то даже в косвенном, фактически – непредумышленном, нарушении заповеди, Иисус вдруг сам нарушает эту же заповедь, но уже прямо и сознательно? Увы, на этот вопрос ни в Евангелии от Матфея, ни в Евангелии от Луки не дается никакого ответа...

Поскольку же речь идет о тех двух Евангелиях, которые начинаются с историй Рождества, то недоумение возрастет и от еще одного вопроса: как умудрились авторы, после описаний Рождества, поместить в свои тексты такую вот историю, причем сделать это без всяких объяснений и пояснений?

Но факт остается фактом: ни того, ни другого не сделано, и самым престранным образом этот эпизод просто соседствует в одном тексте с рождественскими историями. И никаких объяснений к нему, так же, как и никаких попыток согласования его странного смысла с историями Рождества, не имеется ни у Матфея, ни у Луки...

И тут очень кстати оказывается то, что этот же самый эпизод с неудачным визитом Марии имеется так же и в Евангелии от Марка! Причем в этом Евангелии он дается, к счастью, с предваряющим его объяснением, почему Мария поступила именно так, как она поступила. А из этого, в свою очередь, становится понятной и реакция Иисуса.

В результате весь эпизод оказывается мотивационно объяснимым, но при этом, если можно так выразиться, шокирующе-выбивающим из всех традиционных представлений о взаимоотношениях Иисуса и его матери, и полностью опровергающим возможность каких-либо Рождественских историй!

Но что же такого «шокирующее-выбивающего» содержится в обнаруженном нами объяснении поступка Марии и реакции на него Иисуса? А вот что. В 20 и 21 стихах 3 главы Евангелия от Марка, в тексте, предваряющем описание непосредственно самого эпизода с приходом Марии с детьми к Иисусу, говорится:

«Иисус возвращается домой. Снова собирается такая толпа, что они не успевают даже кусок хлеба съесть. Когда его близкие услышали об этом, они пришли, чтобы силой увести его, решив, что он сошел с ума» (Мк. 3:20-21, современный русский перевод, РБО, Москва, 2011).

Вот так, прямым текстом, в лоб и без обиняков, говорится о том, что Мария, мать Иисуса, оказывается, считала, что стремительно набравшая популярность проповедническая деятельность ее сына, а так же его слава, как целителя, есть следствие ничего другого, как... *его сумасшествия!*

Причем тут надо учесть, что в те времена считать кого-то сумасшедшим означало признание человека вовсе не больным – такого человека признавали *одержимым бесами*. То есть из текста Марка мы узнаем, что в своем отношении к

Иисусу, Мария солидаризовалась с его прямыми врагами – книжниками и фарисеями, как раз и утверждавшими, «*что Он имеет в себе вельзевула, и что изгоняет бесов силою бесовского князя*» (Мр. 3:22)! И как вам такой «поворот сюжета»?..

А тут еще надо сказать, что Иисус к таким обвинениям в свой адрес относился настолько категорически нетерпимо, что в ответ на них даже провозгласил постулат о так называемом «непрощаемом грехе»: «*Кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению. Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух*» (Мр. 3:29-30).

И кто же были те люди, что «говорили: в нем нечистый дух», тем самым «хуля Духа Святого» и подпадая под «непрощаемый грех»? Кто бы там они ни были, но вот, выясняется вдруг, что в их число, согласно Евангелию от Марка, входила и... Мария, мать Иисуса, так же убежденная, «*что Он вышел из себя*» (Мр. 3:21, синодальный перевод) и готовая применить силу для того, чтобы остановить своего сына в его «безумии»!

Я понимаю, что это действительно шокирующий вывод для всех, кто хоть как-то знаком с христианством, и уж тем более для тех, кто приобщен к нему. Я понимаю, что принять вывод о том, что отношения Иисуса и его матери, были на самом деле весьма далеки от взаимопонимания и близости, и близки, увы, к прямой враждебности, – принять такой вывод

и тяжело, и совсем не хочется. Я все это понимаю, но, как говорится, помочь ничем не могу: именно такой печальный вывод прямо и недвусмысленно вытекает из рассмотренного нами текста Евангелия...

И именно этим, именно таким вот поражающим воображение отношением Марии к Иисусу, как бесноватому(!), и объясняется у Марка то, что Иисус в резкой форме отказался общаться со своей матерью, братьями и сестрами. В контексте описания Марка ситуация эпизода проясняется, и реакция Иисуса перестает казаться необъяснимой и ничем не мотивированной.

Оказывается, Иисус (неоднократно, кстати, жаловавшийся на плохие взаимоотношения с семьей: «... *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем, у сродников своих и в доме своем*» – Мр. 6:4; Мф. 13:57), не без оснований воспринял приход своей матери, как враждебный акт иотреагировал на него соответственно.

«Тем временем пришли его мать и братья и, стоя снаружи, послали вызвать его. Вокруг него сидела толпа. И тут ему говорят: Там на улице твоя мать, братья и сестры, спрашивают тебя. – Кто для меня мать и братья? – сказал им в ответ Иисус. И оглядев тех, кто сидел вокруг него, сказал: Вот мои мать и братья. Кто исполняет то, что велит Бог, тот мне и брат, и сестра, и мать».

Что ж, как уже было сказано, благодаря предваряющему тексту Марка, сам по себе этот эпизод взаимоотношений

Иисуса и его матери стал нам понятен. Но так и осталось совершенно не понятным, как же может этот эпизод находиться в составе одного и того же повествования, вместе с рождественскими идиллическими картинками?!

Ведь, согласитесь, совершенно невозможно, чтобы после всех тех грандиозных Божественных явлений и откровений, которые описаны в рождественских историях, у Марии могли бы остаться хоть малейшие неясности, и зародиться хоть малейшие сомнения относительно того, кем является ее сын Иисус, и относительно его особой миссии на земле.

И вот – вдруг счесть его безумным (читай – бесноватым!) тогда, когда он начал проявлять свои Божественные способности и приступил к исполнению своей миссии Божьего Сына? Пытаться его миссии противодействовать, попытаться его остановить... Это совершенно не укладывается ни в какие рамки!

Причем, ладно уж, с огромной натяжкой и чисто гипотетически, можно еще как-то допустить, что со временем Мария могла засомневаться и в видениях ангелов, и в свидетельствах людей... Но уж то, каким именно «нетривиальным» образом, согласно историям Рождества, она забеременела, – этого Мария (как и никакая другая женщина!), будучи в здравом уме и трезвой памяти, уж точно *никогда и никак* забыть не смогла бы!

Поэтому, хотим мы этого или не хотим, но этот рассказ о попытке Марии «спасти бесноватого сына», ставит нас перед

выбором: либо принять правдивость историй Рождества, но тогда трактовать историю о «сумасшествии/бесноватости» Иисуса в глазах Марии, как диагноз ее собственного глубокого помешательства, либо, не приписывая Марии психических заболеваний, признать недостоверными истории Рождества.

Правдой может быть *только что-то одно*: **либо** рождественские чудеса, **либо** эта история, однозначно свидетельствующая о том, что Мария, мать Иисуса, никаких чудесных историй, связанных с рождением Иисуса никогда не пережила!

Впрочем, при ближайшем взгляде на сочетаемость историй Рождества с историей «визита Марии», становится ясно, что вариант выбора здесь, на самом деле, практически безальтернативен. Ведь вариант с допущением образа «странной Марии», неизбежно приводит и к образу «странного Бога», поскольку это ведь именно он сам, согласно историям Рождества, избрал именно эту женщину.

Зачем же, при всем многообразии потенциальных кандидатов, надо было избирать именно ту, о которой всеведущий Бог не мог не знать, что она в будущем попросту, извиняюсь за выражение, свихнется? Как можно было выбрать человека именно с такого рода «потенциалом»? Поистине странный, мягко говоря, выбор и, соответственно, насколько же сам должен быть странен тот, кто сделал именно такой выбор...

Так что всем, кто готов во имя защиты достоверности историй Рождества допустить, что Мария могла сначала пережить все то, что в них описано, а потом все это напрочь забыть и счесть своего сына не иначе, как бесноватым, – всем таковым апологетам Рождества стоит крепко задуматься о логических последствиях своих допущений. Образ «сумасшедшей Марии», влекущий за собой образ «странного Бога» – не слишком ли большая цена за апологетику Рождества?

Таким образом, подводя итоги рассмотрения двух возможных вариантов объяснения поступка Марии, пришедшей со своими детьми «спасать безумного/бесноватого Иисуса», мы логически приходим к выводу, что вариант ее собственного безумия, выразившегося в полном стирании из памяти всех якобы пережитых ею событий Рождества, должен быть исключен.

А это значит, что остается лишь один вариант объяснения ее поступка: *не было в жизни Марии никакого сверхъестественного Рождества, и зачала, родила и растила она своего сына Иисуса самым обычным образом.*

И потому-то она и испугалась не на шутку, когда ее сын стал выражать какие-то *не-обычные* мысли и проявлять *не-обычные* способности, что трактовалось «знающими и авторитетными людьми» как проявление бесноватости. А за такой «диагноз» в те времена можно было подвергнуться не только соседским пересудам, но и полному общественному

остракизму и изгнанию, а то и смертной казни!

Испугалась всего этого Мария, собрала вокруг себя своих детей, и пошла силой спасать сына и отводить удар от семьи, не имея ни малейшего представления о том, насколько ее поступок не укладывается в рамки неведомых ей Рождественских историй...

Этот текстологический факт Нового Завета является очередным доводом, не позволяющим принимать истории Рождества, как достоверные. Он же является и завершающим звеном в цепи аргументов, основанных на анализе новозаветных текстов, и обнаруженных в них несуразностях официальной церковной версии прошлого Иисуса.

Аргументы эти, вкратце, таковы:

ПРОТИВ достоверности сказаний о Рождестве говорит тот факт, что две имеющиеся в Новом Завете истории Рождества практически ни в чем *не совпадают* друг с другом в описании событий.

ПРОТИВ достоверности сказаний о Рождестве говорит тот факт, что об историях Рождества мы можем узнать *только* из *самых историй Рождества*, а вне этих историй, во всех остальных текстах всего Нового Завета (включая и сами те Евангелия, где они размещены), о Рождестве не помянуто ни единым словом.

ПРОТИВ достоверности сказаний о Рождестве говорит очевидный логический вывод из этого «большого молчания о Рождестве»: среди учеников Иисуса о рождественских ис-

ториях **никто** ничего не знал. Поскольку знай хоть один – знали бы все, а знай все – вряд ли хоть кто-нибудь из тех, чьи писания сохранились в Новом Завете, смог бы удержаться от тех или упоминаний о событиях Рождества или отсылок к ним. Знать о ТАКИХ историях про того, кого считали Мессией, Господом и Спасителем, и ничего никому о них не рассказать в своих Евангелиях и Посланиях – это из сферы совершенно невозможного!

И наконец – **ПРОТИВ** достоверности сказаний о Рождестве говорит факт наличия в Евангелиях Марка, Матфея и Луки свидетельства об отношении Марии к Иисусу, как к *умалишенному/бесноватому*, совершенно невозможного в контексте историй Рождества, и потому полностью исключаящего возможность того, что Мария когда-нибудь пережила хоть что-либо подобное тому, что там описывается.

Таким образом, непредвзятый и неангажированный анализ текстов христианского Нового Завета приводит к однозначному выводу: *Рождественские сказания являются вымыслом, причем вымыслом, неизвестным ни Апостолам, ни кругу их учеников, из чего следует, что эти сказания являются позднейшими вставками в аутентичные тексты Нового Завета.*

И тут настает пора обратиться к ранее оставленному нами «в режиме ожидания» вопросу о том, каким же образом могли появиться в Евангелиях от Матфея и от Луки истории Рождества?

Глава 3. Три столетия без историй о Рождестве.

В поисках ответа на сие закономерное вопрошание, обратимся к одному малоизвестному, но чрезвычайно важному для нашего исследования, факту из истории христианской церкви. Малоизвестен сей исторический факт потому, что церковь не только старается его никоим образом не афишировать, но напротив – всячески стремится его прикрыть и затушевать. Чрезвычайно же важен он для нашего исследования потому, что состоит этот факт в том, что, оказывается, празднование Рождества вошло в обиход христианской церкви... не ранее 4 века нашей эры!

То есть, как минимум *первые три столетия* (!) своей истории христианство такого праздника *не знало вовсе*. Но разве такое могло быть возможным, если бы истории Рождества, как утверждается, *изначально* находились в текстах Евангелий от Матфея и от Луки?! *Столетиями* читать в своих Священных Писаниях о таких невероятных, одновременно не только трогательных и грандиозных, но – совершенно очевидно! – и *смыслообразующих* событиях и полностью их при этом игнорировать – этого просто невозможно себе представить!

Особенно в сопоставлении с другим, опять же историче-

ским, фактом из жизни христианской церкви. Ведь все те же самые первые три столетия, христиане в качестве своего *главного праздника* отмечали событие, описание которого в Евангелиях от Матфея и Луки идет... сразу после(!) Рождественских историй.

Этот главный праздник носил название Епифании или – Богоявления, и праздновалось в нем событие принятия Иисусом Христом обряда сакрального омовения, названного в русском переводе «крещением», от Иоанна, соответственно, Крестителя. Обряд состоял в символическом погружении в воды реки Иордан, после которого, согласно евангельским описаниям, на Иисуса сошел Дух Святой в образе голубя, а так же *«был глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный...»*.

В том, что в этом событии христианские богословы разглядели проявление Бога, как Троицы (Бог Отец проявил себя в «гласе с небес», Дух Святой – в образе голубя, а Бог Сын, понятно, – в образе Иисуса), нет ничего удивительного. Однако поистине чрезвычайно удивительно и странно, что те же богословы почему-то совершенно не разглядели того же Богоявления в событиях Рождества, где эта самая Епифания представлена, безусловно, куда более прямо, ярко и живо!

Как же так: триста лет читали в самом начале своих евангельских повествований про Деву Марию, зачавшую от Святого Духа, про рожденного в Вифлеемском хлеву Божьего Сына, про явления Ангелов, про волхвов с Востока, панику

Ирода и пр., пр., пр. – и все это, я извиняюсь, «побоку», все мимо?.. Все это их ни разу не впечатлило, не приковало к себе внимание и не навело на мысли, что такие события, которыми открываются тексты двух Евангелий, пожалуй, достойны того, чтобы хоть как-то их отмечать в кругу христианских праздников?..

Но нет, триста лет это все никого из христиан никоим образом не «цепляло»! Триста лет они ничего особенного, достойного их внимания и почитания, в историях Рождества не замечали и, при чтении Евангелий, спокойно через них перескакивали, чтобы тут же, сразу после них, с колоссальным вниманием и интересом сосредоточиться на эпизоде крещения Иисуса! Почему-то именно в этом обрядовом омовении виделся им избыток смысла и значения, достаточный для того, чтобы именно его отмечать в качестве главного праздника, как вдруг...

Как вдруг, спустя три столетия, наступает просто таки «революционное прозрение»! Рождество не просто замечают – оно оказывается в самом центре внимания церкви, его начинают широко праздновать, и очень быстро теперь уже именно оно становится главным христианским праздником, совершенно затмив на весь последующий исторический период праздник Богоявления. Кто сегодня *не слышал* о Рождестве?! А кто *слышал* что-нибудь о празднике Епифании?..

Причем, надо заметить, этот «переворот в сознании» совершился во второй половине 4 века как-то поразительно ти-

хо и без каких-либо видимых причин... Ничего не известно ни о каких церковных обсуждениях темы, какое событие следует считать более важным и достойным празднования в первую очередь – Рождество или Крещение Иисуса, и какое из них более достойно смысла Епифании?

Ни один христианский богослов тех лет не написал ни одного труда на тему: «Братья и сестры, как же мы могли три сотни лет не замечать, что Рождество является событием гораздо более масштабным, значимым и к тому же – более наполненным смыслом той самой Епифании, которую мы столь торжественно празднуем в крещении Иисуса?!».

Не обсуждался вопрос о сравнительном значении Рождества и Крещения/Епифании ни на одном церковном соборе, и не было издано никаких обще-церковных постановлений об учреждении празднования Рождества и придании именно ему первостепенного значения, вместо празднования Епифании. *Ничего* из вышеперечисленного, как совершенно необходимой подготовки к принятию такого, существенно важного для церкви, решения, как смена *главного(!) своего праздника*, не было...

А ведь если тексты о Рождестве и Крещении действительно *изначально(!)* соседствовали бы друг с другом в Евангелиях от Матфея и от Луки (как считается, начиная с IV века н.э.), без обсуждения их сравнительного смысла и значения, перед тем, как принять решение о радикальной смене их приоритетности, церкви было бы *просто не обойтись!*

Но, повторюсь, *ни малейших* следов таких обсуждений *не имеется*, что однозначно свидетельствует о том, что начало празднования Рождества в христианской церкви никоим образом не стало результатом какого-либо *сравнительного переосмысления каких-либо текстов*.

Но тогда, результатом чего же это могло стать? Почему Рождество Христово начало повсеместно праздноваться христианами только лишь в середине-конце IV века нашей эры, при этом моментально затмив праздник Епифании, 300 лет считавшийся до этого *главным(!)* христианским праздником, и почему это произошло без каких-либо церковных обсуждений, дискуссий и принятия официальных решений?

Что ж, лично я не вижу другого адекватного ответа на этот вопрос, кроме принятия в качестве *факта*, что истории о Рождестве в двух Евангелиях *появились не ранее этого же времени*, то есть – в середине-конце IV века нашей эры, будучи приписаны к исходным текстам!

Когда после Никейского собора 325 года, в христианских общинах стали официально распространяться сборники под названием «Новый Завет», тексты которого были утверждены собором в качестве «истинных», и уже содержали в себе истории Рождества, эти истории и стали – самым естественным образом! – праздноваться христианами, как главный церковный праздник.

Все же прочие, ранее написанные тексты Евангелий от Матфея и от Луки, в которых историй Рождества еще не

было, активно изымались и уничтожались церковными властями, причем – вместе с теми христианами, которые пытались сопротивляться нововведениям. В результате, спустя несколько десятилетий, к концу IV, началу V века, абсолютному большинству христиан уже казалось, что именно так всегда всё и было, и Евангелия от Матфея и от Луки изначально были написаны в том виде, в каком они читали их в своих канонических Новых Заветах...

Понятно, что такое объяснение странному историко-церковному факту о времени начала празднования христианами Рождества, категорически не устраивает христианскую церковь, поскольку оно полностью компрометирует и сами истории Рождества, как выдумку, приписанную к евангельским текстам спустя три столетия, и саму церковь, как автора и исполнителя этого манипулятивного обмана. Поэтому, разумеется, церковь предпринимает попытки дать какие-то свои объяснения. Что же это за объяснения?

Во-первых, церковь пытается утверждать, что христиане Рождество все ж таки отмечали и в первые три столетия своей истории, только вот делали они это, почему-то, весьма скромно и незаметно, «празднуя» его лишь в качестве составной части большого празднования Крещения Иисуса, в котором они видели Епифанию – Богоявление.

Что ж, утверждение, конечно, интересное, однако лично мне как-то совершенно непонятна именно такая расстановка приоритетов: почему именно Рождество включили в ка-

честве составной части в праздник Епифании, а не наоборот? Выше уже говорилось о том, что смысл Епифании, то есть – Богоявления, в описаниях Рождества можно увидеть и проще, и ярче, чем в описаниях крещения Иисуса! Масштабность происходящего в описаниях Рождества, да и сам текстовый объем этих описаний – гораздо больший, нежели в описаниях крещения, коему посвящены лишь несколько предложений, в то время, как Рождеству посвящены по две главы в двух Евангелиях. Да и главы эти идут на первом месте в евангельских текстах, перед описанием крещения, что естественным образом должно привлекать – и привлекает! – именно к ним приоритетное внимание.

Так каким же образом, с учетом вышесказанного, могло бы получиться, что Епифанию христиане стали праздновать в связи именно с крещением Иисуса, а не в связи с его куда более масштабным и значимым Рождеством, которое-де было лишь «включено», как второстепенный элемент, в состав этого празднования?

Ответом на это законное недоумение, являются весьма, надо сказать, странные ссылки на то, что первые христиане были-де из иудеев, а у иудеев в те времена было не принято праздновать дни рождения.

По поводу этих ссылок на древние иудейские обычаи, можно сказать, что они не только странны, но и что они обладают совершенно нулевой убедительностью! Во-первых, потому, что уже в первом столетии (не говоря о последующих)

подавляющее большинство христиан были «из язычников» и не имели, соответственно, практически никакого отношения ни к иудеям, ни к их традициям. А в греко-римской культуре, к представителям которой относилось абсолютное большинство христиан, празднование дней рождения было такой же нормой, как и для нас сегодня.

Во-вторых же, хочется обратить внимание на то, что события Рождества – это далеко не только «день рождения»! Описания Рождественских историй содержат в себе картины явлений Ангелов и Архангелов, их возвещений о Божьей воле, о зачатии от Святого Духа, о том, что зачатый таким образом младенец будет никем иным, как Сыном Всевышнего, и много еще чего, выходящего далеко за рамки значения «просто день рождения»... Так что, какие бы иудейские традиции ни уважали и даже ни чтили первые христиане, не разглядеть в событиях Рождества их просто таки эпического смысла и значения, выходящего пределы любых традиций, они бы просто не смогли!

Так что ссылки на «экс-иудаизм» ранних христиан, как на объяснение того, почему они первые три столетия если и не игнорировали Рождество, то, по меньшей мере, придавали ему второстепенное значение, совершенно не проходят. Ну, а более христианским апологетам сказать по этому вопросу вообще нечего...

И в этой ситуации остается только либо «смирненно склонить главу» перед полнейшей загадочностью, необъяснимо-

стью и нелепостью всей этой истории 300-летнего игнорирования, либо принять то единственно реальное ее объяснение, что никакого игнорирования попросту и *не было*, поскольку так же *не было* и *никаких историй Рождества в изначальных текстах Евангелий, которыми христиане пользовались первые триста лет своей истории!*

В этом случае вся «загадочность» и «необъяснимость» вмиг рассеивается, как туман, и становится совершенно понятно, почему 300 лет христиане не праздновали Рождество, а праздновали именно Крещение Иисуса, как праздник Епифании/Богоявления. Так сложилось по той простой причине, что первые 300 лет христианства, именно с этого эпизода – совершенно одинаково! – начинались *все четыре* Евангелия, пока к двум из них не прибавили тексты про Рождество.

Да-да, современным христианам стоит обратить внимание на ту «маленькую деталь», что *без сказаний о Рождестве все четыре Евангелия начинаются совершенно одинаково*, и как раз именно с эпизода крещения Иисуса!

Так что, абсолютно естественно, что именно на этом эпизоде, в течение трех столетий синхронно открывавшем повествования всех четырех Евангелий, и сосредотачивалось внимание христиан того времени, истолковавших именно его, как Епифанию – как первое явление Бога, «единого в Трех Лицах», – и праздновавших события этого эпизода, как свой главный праздник. Так же, как совершенно естественно и то, что как только в церкви стали распространяться тексты

Нового Завета, в которые уже были вставлены истории Рождества, уже именно эти истории и сконцентрировали на себе внимание всех христиан!

*С учетом всего сказанного, лично я не вижу другого варианта, кроме того, чтобы признать полностью обоснованной версию об **отсутствии** сказаний Рождества в изначальных текстах Евангелий, вплоть до **4 века** нашей эры.*

Подтверждается ли этот вывод имеющимися на сегодня в распоряжении ученых древними манускриптами? Да, подтверждается! И хотя, к сожалению, все известные на сегодня рукописи Евангелий, древнее 4-5 веков, сохранились лишь фрагментарно, анализ сохранившихся фрагментов дает следующую картину.

Во фрагментах Евангелия *от Матфея* можно найти отрывки текстов, относимых сегодня к главам, начиная лишь с третьей, и нет *ни одного* фрагмента с текстом из первой или второй глав – глав про Рождество.

С рукописями же Евангелия от Луки, ситуация такова: среди многих артефактов, фрагменты которых тоже не содержат текстов сегодняшних первых двух глав, имеется одна рукопись, датируемая II-III веком, зарегистрированная, как папирус **P4** (Национальная библиотека Франции), в двух небольших фрагментах которой имеются отрывки текста 58 и 75 стихов 1 главы этого Евангелия.

Что ж, этот факт можно было бы рассматривать, как достаточно серьезный аргумент, *опровергающий* мои утвержде-

ния о том, что вплоть до IV века никаких текстов о Рождестве в Евангелиях не было. В самом деле, вот, пожалуйста – рукопись II-III веков, и в ней таки имеются два фрагмента из 1 главы Евангелия от Луки, а значит, имелись, но просто были утеряны, и остальные тексты первых двух глав, рассказывающих о событиях Рождества! Однако, не будем торопиться с выводами...

Дело в том, что в этих стихах, сохранившихся на фрагментах папируса, речь идет отнюдь *не о Рождестве Иисуса Христа*. Эти стихи являются частью описания событий, связанных с зачатием и рождением совсем другого человека, а именно – *Иоанна Крестителя*. И хотя сегодня эта история действительно входит в состав Рождественских повествований первых двух глав Евангелия от Луки, это никоим образом не означает, что именно так было и всегда!

Имеющийся в первой главе Евангелия от Луки рассказ о рождестве Иоанна Крестителя, вполне мог быть плодом творчества *иоаннитов* – последователей Иоанна, чтивших его отнюдь не как «крестителя Иисуса», а как самостоятельного Великого пророка Божьего! Иоаннитов в I веке нашей эры было ничуть не меньше (если не больше!), чем почитателей Иисуса, и с христианами они никоим образом не смешивались. Более того – эти две группы конкурировали за умы и сердца людей, будучи каждая убеждена в своей исключительной правоте и истинности именно своего Пророка. И конечно же, иоанниты писали свои книги с историями, про-

славляющими Иоанна.

Одна из этих историй, описывающая те чудеса и знамения Свыше, коими сопровождалось зачатие и рождение Иоанна, и могла быть использована Евангелистом Лукой (писавшему свою книгу, по его собственному свидетельству, «по тщательному исследованию всего сначала»), в качестве *предисловия* к его основному повествованию.

Ведь это основное повествование начиналось у него (точно так же, как и у остальных евангелистов Нового Завета) с истории крещения Иисуса, преподанного именно Иоанном Крестителем, так что Лука вполне мог дополнить свое повествование историей, взятой от иоаннитов, поскольку она давала его читателям представление о том, что Иисус принял крещение не от кого попало, а от самим Богом отмеченного пророка! Правда, рангом бывшего, разумеется, гораздо ниже Иисуса...

Чтобы это подчеркнуть, Лука, рассказав (с помощью истории, взятой у иоаннитов) о чудесных обстоятельствах зачатия и рождения Иоанна, в конце просто отправляет Иоанна в пустыню, «до дня явления Израилю». А поскольку следующее появление Иоанна в повествовании Луки связано с крещением Иисуса, создается стойкое впечатление, что именно – и практически только лишь! – для крещения Иисуса и был порожден Богом великий пророк Иоанн. Таким образом, поместив в свое Евангелие этот, совершенно иоаннитский по своему содержанию, рассказ, утверждающий бо-

гоизбранность и величие Иоанна, Лука мастерски использует его для утверждения авторитета Иисуса.

Тогда же, когда впоследствии к его Евангелию стали дописывать истории Рождества, то часть этих историй, а именно – благовещение ангела Гавриила Марии и ее визит к Елизавете, матери Иоанна, была вставлена прямо в рассказ об Иоанне, а основной материал был добавлен к Евангелию в виде отдельной главы.

То, что материал про визит Марии к Елизавете является именно вставкой, хорошо видно из двух обстоятельств. *Первое*, это то, что удаление данного рассказа (стихи с 26 по 56) из повествования об Иоанне, никак не нарушает само это повествование ни в его ходе, ни в его смысле: прервавшись на 24-25 стихах, рассказывающих о том, что престарелая Елизавета пять месяцев старалась скрывать свою нежданную беременность, оно спокойно возобновляется на стихе 57, в котором говорится, что ей пришло время рожать, и она родила сына. В описании дальнейших событий, связанных с рождением Иоанна, нет никаких упоминаний о Марии, как и не было их вплоть до стиха 26, что безусловно придает рассказу о встрече и общении Марии и Елизаветы характер очевидной текстовой вставки.

Второе обстоятельство, говорящее о том, что история с Марией и Елизаветой является позднейшей вставкой в ранний рассказ о рождении Иоанна, заключается в том, что согласно этой истории, Мария, прибыв к Елизавете, когда та

была на шестом месяце беременности и пробыв у нее в гостях, как у своей родственницы, около трех месяцев, вдруг перед самыми родами взяла, да и убыла к себе домой.

Понятно, что автору этой вставки нужно было удалить Марию из повествования, поскольку далее в рассказе о рождении Иоанна Крестителя она не упоминается, что он и сделал простым, как говорится, росчерком пера. Но поскольку дописывались истории рождества уже в IV веке, после Никейского собора, созванного в 325 году Римским императором Константином, то писались эти истории людьми греко-римской культуры, имевшими, в отличие от писателей-евангелистов I-II веков, весьма смутные (если вообще какие-либо!) представления о традициях иудеев тех времен.

А ведь в соответствии с этими традициями, родственников принято было *созывать*(!) на предстоящие роды младенца, а не *отсылать* их домой прямо перед ними, и потому отъезд Марии домой непосредственно перед родами своей родственницы, был бы грандиозным скандалом, а отнюдь не тем рутинным эпизодом, каким он описан!

Если бы Марию отослали хозяева, то они не только нанесли бы ей и всему ее роду величайшее оскорбление, но и нарушили бы общий закон гостеприимства, что на востоке является чем-то просто немыслимым. Если же допустить, что Марию, прогостившую в доме Елизаветы три месяца, никто домой не отсылал, а это она сама так решила – взять и уехать домой непосредственно перед родами, то в этом случае уже

она нанесла бы тяжелейшее оскорбление хозяевам!

В случае же, если у Марии вдруг произошло нечто настолько важное и экстраординарное, что обеими сторонами – и гостьей, и хозяевами, – было бы воспринято, как достаточно серьезное основание, извиняющее неожиданный отъезд, то об этом непременно было бы сказано в описании всей истории родственного визита Марии. Но нет в этой истории ни о чем таком ни единого слова, отъезд Марии подается, как совершенно ординарное, рутинное событие, из чего следует, что писал этот рассказ отнюдь не тот же самый человек, который написал остальной – без историй Рождества, – текст Евангелия от Луки, а кто-то далекий от того, о чем он писал.

Таким образом, мы со всей очевидностью приходим к выводу, что тексты, найденные на фрагментах папируса II-III веков, относятся к истории, рассказывающей исключительно о зачатии и рождении Иоанна Крестителя, а фрагмент о визите Марии, приспособляющий эту историю про Иоанна к теме Рождества, является позднейшей вставкой, как и все вообще тексты о Рождестве.

Что же касается самого появления этой истории про Иоанна в составе фрагментов папируса рукописи **Р4**, то она, скорее всего, могла быть, как уже говорилось, использована Евангелистом Лукой в качестве предисловия к основному повествованию его Евангелия, поскольку начиналось это повествование с истории крещения, которое преподавал Иисусу именно Иоанн. Хотя, в принципе, нельзя исключать и того,

что эту историю, изначально в Евангелии от Луки все же отсутствовавшую, некий владелец данной конкретной рукописи мог просто хранить вместе рукописью Евангелия, а уже ученые, эту рукопись восстанавливавшие, соединили все в единый текст, действуя, как говорится, «на автомате».

Но так или иначе, а в любом случае, рассматривавшиеся нами фрагменты рукописи **Р-4** Евангелия от Луки, *не являются* частью описания Рождества Иисуса Христа, что позволяет сказать, что *на сегодняшний день не имеется ни одной рукописи Евангелий, как от Матфея, так и от Луки, написанной ранее IV века, в которой имелись бы истории Рождества.*

Глава 4. Император Константин Великий, как творец христианской церкви.

Но почему же истории Рождества все же появились в текстах двух Евангелий, и почему это произошло именно в IV веке? Дело в том, правивший в то время Римский император Константин Великий, проникшись симпатией к христианству, решил не только прекратить всякие гонения против него, но и более того – сделать эту религию равной по своему статусу с прочими официально признаваемыми в Империи религиями...

Общераспространенным является мнение, что Константин тогда придал христианству статус государственной религии, что означало отказ от всех прочих религий – отказу от «язычества», – и установление по его указу абсолютного доминирования христианства. Однако, это вовсе не так.

Ни от какого «язычества» Константин отказываться не собирался, а его действия по отношению к христианству означали лишь то, что он оказывает честь новой религии, ставя ее в один ряд с другими религиями, удостоившимися официального признания в Римской Империи. И хотя Константин лично сам взялся за процесс реформирования христи-

анства, решив придать этой молодой и еще неустоявшейся к тому времени религии подобающий новому почетному статусу вид, все же он при этом никаких других религий не отменил, не запретил и не ликвидировал.

Несмотря на то, что первые церковные соборы, включая и первый Вселенский собор в Лаодикии, были созваны лично самим Константином, и проходили под его прямым и непосредственным личным руководством, это отнюдь не означало, что Константин был обращен в христианство.

Он, как и полагалось Римскому Императору, продолжал оставаться Верховным жрецом Империи (Понтификус Максимус), исправно продолжая исполнять все обязанности этой должности. Он лично возглавлял особенно торжественные богослужения в храмах различных божеств римского пантеона, совершая положенные этим божествам жертвоприношения. В честь Константина продолжали возводиться храмы, где уже ему самому воздавались божественные почести, как и полагалось по культу Римских императоров. По сути, Константин просто включил Иисуса Христа в число своих почитаемых божественных покровителей, и поэтому стал покровительствовать последователям христианской религии.

Однако, углубившись в связи с этим в ситуацию, сложившуюся к тому времени в христианской церкви, Константин убедился, что христианство нуждается в комплексе преобразований для того, чтобы предстать перед подданными импе-

рии, как настоящая, «солидная» религия, а не как странный магический культ.

Надо сказать, что к тому времени, за три столетия своего непростого существования, христианство сложилось отнюдь не в некий идейно-организационный монолит, а скорее в эклектичный конгломерат различных групп и направлений, объединяемых зачастую едва ли не одним лишь названием. Эти группы и направления, разнясь подчас до полной противоположности в пониманиях и враждуя друг с другом, не имели, естественно, никакого общего управления, никакого свода единого учения, никакого свода обще-авторитетных Писаний. Христианство того периода напоминало даже не широко ветвистое дерево, а скорее хаотично растущий от общего корня куст. И вот из этого «куста», Константин взялся «выстригать» новую религию, годную для того, чтобы встроить ее в общий пантеон Империи...

Начал он в 313 году с разбора конфликта между последователями карфагенского Епископа Доната (донатистами), осуждавшим и отвергавшим тех христиан, кто сотрудничал с римскими властями во время предыдущих гонений. Естественно, по итогу разбора этого конфликта осуждавшие сами были осуждены и вновь подвергнуты гонениям...

А 12 лет спустя, в июне 325 года, Константин своим указом собирает в городе Никея (ныне город Изник в Турции) более трехсот христианских епископов и представителей различных христианских течений и церквей на собор,

получивший в дальнейшем название Первого Вселенского.

Там они в течение двух месяцев, под его же непосредственным руководством и председательством, вели дискуссии и обсуждения с целью выработки единого, эталонного понимания веры и учения, которому отныне должны будут следовать все без исключения христианские церкви, находящиеся в пределах римской империи.

И одним из основных элементов этого учения должно было стать – и стало, – провозглашение Иисуса Христа Сыном Бога, единосущным Богу Отцу, то есть, фактически, Богом, с чем добрая половина (если не большинство) христиан тогда совершенно не были согласны.

Несогласные, получившие название «ариане», поскольку они были последователями священника из великой и славной Александрии по имени Арий, считали, что Иисус Христос был *сотворен* Богом, и потому является лишь *подобным* (*подобно-сущностным*) Богу. Победители же считали, что Иисус Христос был *рожден* Богом Отцом, и потому является *едино-сущностным* с Богом.

Едва ли римский император Константин точно и детально вникал тогда в богословско-философские тонкости спора с арианами, подтверждением чему является тот факт, что спустя лишь три года после этого Собора все санкции против ариан были им отменены. А через 10 лет после Никейского, в 335 году был собран уже другой собор – Тирский, на котором осужден был уже Афанасий Великий, лидер противни-

ков ариан.

После этого ариане еще почти полвека, вплоть до 381 года, были на подъеме, и лишь когда к власти пришел император Феодосий Первый, лично сам бывший противником арианства, на собранном им в Константинополе соборе, ариане были окончательно осуждены. Хотя на окраинах Империи они продержались еще почти четыре столетия, вплоть до 8 века.

Все эти факты показательно вскрывают, во-первых, те истинные процессы и причины, которые привели к возникновению Католической, а затем и Православной церковей, а во-вторых – указывают нам на то конкретное время, когда возникла настоятельная потребность в появлении и фиксации в качестве «истинных», историй про Рождество.

Становится очевидно, что известная нам ныне христианская церковь является результатом деятельности, весьма далекой от понятия «духовный», зато очень близкой к понятиям «власть» и «политика». Римские императоры 4 века, от Константина до Феодосия – вот кто был подлинными инициаторами и руководителями процесса создания христианской церкви, а значит и ее подлинными творцами!

Церковь создавалась отнюдь не как «представительство Царствия Божия на земле», а как политико-идеологический элемент царства вполне земного.

И именно в таком своем виде, исполняя именно такую свою главную функцию, церковь и существует по сей самый

день везде, где существует. Так что всем, кто сегодня удивляется и даже возмущается «сращиванию государства и церкви», «использованию государством церкви в политических целях», «вмешательству государства в дела церкви» и т.п., надо просто обратиться к фактам истории.

А обратившись и узнав о подлинных истоках, рычагах и пружинах, перестать удивляться, и, уж тем более – возмущаться теми процессами во взаимоотношениях церкви и государства, которые абсолютно естественно протекают в соответствии с теми направлениями, которые были им заданы изначально...

Глава 5. Иисус, как «античное божество»...

Относительно же рассматриваемого нами вопроса о достоверности сказаний о Рождестве и их происхождении, становится ясно, что с того момента, как император Константин обратил свое благосклонное внимание на христианство, решив обеспечить ему широкое распространение в своей Империи, образ главного действующего лица этой религии потребовал существенной корректировки.

Ведь, как известно, римляне испокон веку привыкли поклоняться полу-богам и героям, к чьему зачатию и появлению на свет боги тоже имели некоторую причастность. Посему, понятное дело, Иисус Христос, чтобы быть принятым в качестве объекта почитания и поклонения, тоже должен был предстать перед народом Рима в каком-то подобном виде. Образ же простого, безродного бродячего проповедника из какой-то далекой полудикой провинции никто бы не оценил и не принял, даже под давлением имперской власти.

Да и самому Константину такой образ Иисуса наверняка был и малопонятен, и малоприятен. Уж если даже он, Константин, будучи императором, обладает божественными титулами, утверждающими его наследственное происхождение от богов, то уж тем более центральное лицо любой рели-

гии, по определению являющееся объектом поклонения, не может быть просто «неизвестно кем»! Это обязательно должен быть бог, а его «земная форма» должна иметь непосредственно божественное происхождение и объяснение.

И вот, в 325 году, Никейский церковный собор, в результате двухмесячных препирательств и согласований, составляет итоговый документ, впоследствии названный Никейским Символом веры. В нем Иисус назван, как и требовалось, Сыном Бога, «рожденным, не сотворенным», «Богом истинным от Бога истинного», «единосущным Отцу». Причем, как утверждает некоторыми источниками, последняя формулировка – «единосущный Отцу» – была составлена и вставлена в текст лично самим Константином.

Таким образом, Иисус был официально утвержден в качестве Сын Бога и Бога. И вот тут-то, понятное дело, не могла не возникнуть необходимость в сказаниях о его рождении, которое, разумеется, должно было быть совсем необычным, и к которому Бог должен был иметь самую прямую причастность.

Спрос, как известно, неизбежно рождает предложение, а уж тем более – спрос со стороны императорской власти. Естественно, бросились исполнять, и в итоге бурной, но, по-видимому, довольно хаотичной активности и появились те две различные, противоречащие одна другой, истории Рождества, которые были приписаны к Евангелиям от Матфея и от Луки.

Почему не была составлена и присоединена ко всем(!) четырем Евангелиям какая-нибудь одна унифицированная история о рождении Иисуса от Бога? Разумеется, это было бы наиболее логично и верно. Но факт остается фактом – логично и верно поступить не смогли, а это говорит о том, что процесс протекал торопливо, более эмоционально, нежели рационально, при явном отсутствии единого координирующего центра.

Почему не было такого центра? Видимо потому, что Константину самому брать все на себя не желалось, да и не было возможно – он все же был Император, и кроме возни с христианством, у него имелось множество других забот, включая строительство нового центра Империи – Константинополя, и ведение различных войн. А неорганизованные христиане так и не смогли толком организовать, и в итоге мы сегодня имеем то, что имеем.

Так или иначе, но можно с большой степенью обоснованности утверждать, что появление официально признаваемых евангельских текстов с включенными в них историями Рождества началось не ранее 325 года, а именно – после Никейского собора.

По-видимому, к 331 году Рождество уже украшало собой официальные тексты Евангелий от Матфея и Луки, поскольку, как написано Евсевием Кесарийским в его труде «Жизнеописание Константина», император, примерно в 331 году, сделал заказ на пятьдесят экземпляров пергаментных руко-

писей Священного Писания, необходимых для церквей возводимого им тогда Константинополя.

Еще несколько десятилетий ушло на распространение новых текстов Евангелий с включенными в них историями Рождества по церквям и церковным общинам, и через два поколения христиан никто (по крайней мере, из тех, кто принадлежал к официальным церквям) уже не сомневался, что именно в таком виде эти тексты изначально и существовали.

И вот, Лаодикийский собор, проходивший в 363 или 364 году, утверждает официальный Канон христианских Священных Писаний, в котором Евангелия от Матфея и Луки, разумеется, начинаются с описаний Рождества, чем ставится окончательная точка в процесс утверждения этих историй в качестве «истинных».

А еще через пару десятилетий, на Константинопольском соборе 381 года, при составлении нового Символа веры, уже не смогли обойтись без включения в него упоминания и о матери Иисуса, Марии, как о важнейшем действующем лице Священной истории!

Почему не было такого упоминания уже в Никейском символе веры? В этом разбираться не стали, а просто «устранили недоработку», и в «усовершенствованный» Константинопольский символ веры были добавлены слова, что Сын Божий родился не только от Бога Отца, но и «от Марии девы». Таким образом, можно точно сказать, что к 381 году процесс утверждения и закрепления Рождественских сказаний

в текстах Евангелий и головах верующих был полностью завершен.

Но, вместе с тем, из того факта, что включили Марию в текст Символа веры только *в конце* 4 века, а еще в 325 году этого никому и в голову не пришло, ясно следует, что до 325 года в евангельских текстах историй Рождества, с центральной и сакральной ролью в них Марии, *еще точно не было!*

Если бы истории Рождества и впрямь имелись в Евангелиях изначально, и были бы столь же широко известны и признаны уже в 325 году, как и в 381-м, то очевидно, что ничто не могло бы помешать появлению имени Марии уже в Никейском символе веры! Наверняка император Константин, руководивший Никейским собором, не упустил бы возможность еще тогда сформировать в христианском вероучении столь привычную всему греко-римскому миру триаду: Божественный сын, рожденный от Верховного/Единого Бога-Отца и избранной, праведной земной Женщины-Матери.

Таким образом, рассмотрение ситуации с рождественскими историями в историческом контексте, приводит нас к очевидному выводу: *этих историй не было в аутентичных, исходных евангельских текстах, и появились они в Евангелиях не ранее второй трети 4 века, после Никейского собора 325 года.*

Глава 6. Рождество и Отцы Церкви.

Однако, в данной теме, в контексте истории христианства, нам необходимо рассмотреть еще один аспект. Он касается трудов древних христианских богословов, так называемых Отцов церкви. Ведь если в трудах тех, кто жил и творил в эпоху до 4 века, упоминания и рассуждения о Рождестве имеются, то это, безусловно, будет весомым доводом в пользу изначального существования текстов Рождества в составе Евангелий. Так что, обратимся к трудам Святых отцов...

Увы, первое, что мы обнаружим, обратившись к оним трудам, это... полную невозможность сделать прямой и однозначный вывод о наличии или отсутствии в их оригинальных(!) рукописях упоминаний о Рождестве, ввиду полнейшего отсутствия самих этих оригинальных рукописей!

Причем, говоря об «оригинальных» рукописях, я имею ввиду даже вовсе не обязательно манускрипты, написанные рукой непосредственно самого автора, а хотя бы такие рукописи, которые датируются временем до все того же 4 века. Но, увы: все труды древних христианских богословов имеются, в основном, лишь в виде *средневековых и даже более поздних* изданий – ни о каком времени до 4 века тут и говорить не приходится.

А это безусловно означает, что их тексты могли быть как

угодно правлены и переправлены, дополнены и/или усечены, а то и попросту придуманы и приписаны тем или иным древним авторам... Кроме того, ситуация усугубляется тем, что многие труды многих древних авторов в принципе существуют лишь, выражаясь современным языком, «виртуально», то есть только в цитатах других авторов. Так что, судите сами, о какой достоверности материала здесь вообще может идти речь!

В результате такой вопиющей ситуации, анализ того, что называется «трусами древних христианских авторов», в вопросе об интересующих нас упоминаниях о Рождестве, Марии и прочих, связанных с Рождеством, персонажей, приводит нас лишь к полному хаосу и неразберихе.

Например, имеется, скажем, книга под названием «Против ересей», авторство которой приписывается святому 2-3 веков Иринею Лионскому. В этой книге очень много говорится и о Марии, и о «непорочном зачатии» и о Рождестве, но... Но весьма странно то, что в книге, написанной (как утверждается) в то время, когда у христиан еще не было ни обще-объединяющей церковной организации, ни какого-либо общего «эталонного», «ортодоксального» учения, идут постоянные обвинения в отступничестве от этого не существовавшего тогда «ортодоксального учения» не существовавшей тогда «ортодоксальной церкви».

Кроме того, не существовало тогда и никакого единого и общего для всех христиан канона Священных Писаний, и

никакой сборник христианских книг еще не был назван Новым Заветом, что означает, что по отношению к трудам христианских авторов (в отличие от ветхозаветных) попросту не мог еще употребляться термин «Писание».

В рассматриваемой же нами книге, само название которой – «Против ересей», – выглядит как-то неуместно по отношению ко 2 веку н.э., когда еще отсутствовал тот эталон, по которому можно было бы отделять «ересь» от «не ереси», цитаты новозаветных авторов уже вовсю даются не иначе, как слова Писания. Так что, по всему своему содержанию, эта книга гораздо более похожа на произведение гораздо более позднего, нежели 2-3 век, времени, когда уже и «единственно-правильная церковь» официально существовала, и, соответственно, «единственно-верное учение» уже имелось, и был сформирован, и признан Священным Писанием, Новый Завет.

К тому же, как объяснить параллельное существование этой книги в один и тот же период времени, скажем, с книгой, под названием «Строматы», автором которой указывают Св. Климента Александрийского? В этом обширном труде, при наличии обильнейшего цитирования из всех четырех Евангелий, и других новозаветных и ветхозаветных книг, почему-то не нашлось места даже для одной-единственной цитаты из историй Рождества, для хотя бы единственного упоминания о Марии! А ведь они не единожды могли быть очень даже к месту в этой книге.

Возьмем для примера IV Книгу из состава «Стромат». Там 8, 19 и 20 главы прямо посвящены рассуждениям о том, какой должна быть праведная жизнь женщин-христианок. Особенно это касается 20 главы, которая называется: «Хорошая жена».

Так вот, чтобы вы думали? Приводя в этих главах 7 новозаветных цитат, причем одну – конкретно из евангелия от Матфея, приводя даже обширные цитаты из произведений древнегреческого драматурга Еврипида, всеуважаемый Св. Климент при этом ни разу(!) не упоминает о Деве Марии, той женщине, пример которой для любой христианки должен быть попросту первостепенным! Это ли не странно?

Но нет, это, на самом деле – это вовсе не «странно». Это, на самом деле – совершенно *невозможно*! Невозможно для христианского автора, *читавшего* истории Рождества в Евангелиях от Матфея и от Луки. Отсутствие же в трудах Св. Климента (отлично знакомого с содержанием всех четырех Евангелий, о чем говорят сотни цитат из них в его трудах) цитирования тех глав Евангелий от Матфея и Луки, которые сегодня считаются в них первой и второй, возможно объяснить только одним: этих глав он в никогда в своей жизни в глаза не видел!

Так какой же вывод можно сделать относительно достоверности историй Рождества и самого их существования в евангельских текстах до 325 года, на основании анализа трудов христианских авторов, живших до 4 века н.э.?

Отвечая на этот вопрос, учтем, прежде всего, тот факт, что все труды «древних» авторов – это копии рукописей, сделанных с неизвестно каких по счету копий рукописей. При этом, среди этих копий имеются как те, где Рождество, так или иначе, упоминается, так и те, где о нем нет ни малейших упоминаний, хотя по контексту основного содержания такие упоминания были бы весьма уместны.

Какие же из них можно признать более достоверными: с упоминаниями, или же без них? Ответ, на мой взгляд, очевиден. При переписке ранних трудов в более поздние эпохи, переписчики, безусловно, *могли вставлять* в тексты то, что считалось правильным и назидательным в их время, в частности – те или иные упоминания о Рождестве. А вот *вычеркивать* такого рода упоминания, зачем-то *удалять* их из переписываемых текстов, они бы, совершенно очевидно, *не стали!*

Поэтому, такие труды, как, в частности, рассматривавшиеся здесь «Строматы» Св. Климента Александрийского, с их полным отсутствием каких-либо упоминаний Рождества, можно однозначно признавать достоверными. А это означает, что в тех Евангелиях, которые читал и изучал Св. Климент во 2-3 веках нашей эры, никаких историй Рождества не было!

Из сказанного следует общий вывод, что *анализ трудов христианских авторов периода до 4 века н.э., в сопоставлении с историческим контекстом церковной жизни этого пе-*

риода, так же **подтверждает**, что в церкви того периода истории Рождества были неизвестны.

Тем же, кто может выразить сомнение в том, что христиане могли так «неуважительно» и манипулятивно относиться к своему древнейшему богословскому наследию, что взять, да и просто дописать «что следует» к трудам древних авторов, я порекомендую взглянуть на текст Евангелия от Марка, на его последнюю, 16 главу. Сегодня хорошо известно, что последние 12 стихов этой главы (с 9 по 20) *отсутствовали* в оригинальном тексте, и *были дописаны* в более позднее время. Когда именно – на сей счет ни точных данных, ни единого мнения нет.

Однако известно точно, что в древнейших, из имеющихся на сегодня, рукописях Евангелия от Марка (Синайский и Ватиканский кодексы 4 века), этих стихов еще нет, а вот в большинстве рукописей 5 века – они уже есть. Так что и здесь мы опять, во-первых, возвращаемся к этому рубежу в истории христианства – все к тому же 4 веку, а во-вторых, видим, что в те времена христиане, если считали нужным, спокойно корректировали Евангельские тексты. И уж если приписки осуществлялись к текстам, включенным в уже составленный и утвержденный к тому времени Канон новозаветных Священных Писаний, то возможность корректировок «простых» авторов, никак и никого удивлять не должна!

Глава 7 и Семь аргументов против.

Таким образом, в рассмотрении вопроса о достоверности историй Рождества, мы подходим к *итоговому выводу*. И вывод этот таков: *эти истории должны быть признаны недостоверными по целому ряду причин*.

Во-первых – их практически полному текстологическому несовпадению между собой.

Во-вторых – их противоречия контексту остального повествования Евангелий, в частности – полнейшей смысловой несовместимости с историей о том, как Мария пришла забрать Иисуса домой, как сумасшедшего (бесноватого).

В-третьих – тотального молчания о них во всех книгах Нового Завета, включая и Евангелия от Матфея и от Луки, где эти истории помещены. За пределами текстов самих этих историй, о Рождестве ни единым словом не упоминается больше нигде – *об историях Рождества мы узнаем исключительно лишь из самих историй Рождества!*

В-четвертых – исторического факта 300-летнего «игнорирования» Рождества церковью, когда три века в церковном календаре не находилось места для хоть какого-нибудь маломальского празднования Рождества. Три столетия церковь вела себя так, как можно вести себя только не имея ни малейшего представления ни о каком Рождестве, то есть –

не имея никаких историй Рождества в текстах Евангелий.

При этом, если таких историй в евангельских текстах не было, то все четыре Евангелия одинаково начинались с описания одного и того же события – крещения Иисуса Христа, – и надо сказать, что, «удивительным образом», именно это событие и отмечалось церковью все эти три столетия, как главный церковный праздник, под названием Епифания (Богоявление)!

В-пятых – полным отсутствием в имеющихся рукописях II-III веков текстов историй Рождества. В единственной рукописи этого периода – папирусе P4, – имеются два фрагмента с отрывками из двух стихов 1 главы Евангелия от Луки, но и они относятся к повествованию о рождении Иоанна Крестителя, а не о Рождестве Иисуса Христа.

В-шестых – историческими данными о том, что инициатором и фактическим творцом христианства, в том его виде, каким мы знаем его сегодня, был римский император Константин, а так же несколько его последующих наследников на троне.

Именно Константину, как представителю греко-римской культуры и потребовался образ Иисуса не как безродного, странствующего на задворках империи проповедника, а как Божественного Сына, рожденного от Божественного Отца и избранной Женщины-Матери. И после того, как на созванном Константином в 325 году Никейском соборе, Иисус был официально провозглашен Богом, и потребовалось дополне-

ние текстов Евангелий историями про то, как Бог воплощался на земле через земную женщину. Появились они там, судя по всему, к 331 году, а в 363 или 364 году были закреплены в первом Каноне христианских Священных Писаний.

И, наконец, «*в-седьмых*» необходимо сказать, что *Рождественские истории* самим своим главным смыслом **противоречат** тому, как *Иисус позиционирует себя в Евангелиях*, и как в них раскрывается его мировоззрение.

И об этом, седьмом аргументе, мы подробно поговорим в следующей главе.

Глава 8. Иисус Христос и остальные люди: эксклюзивность или «Я сказал – вы... боги»?

Думаю, всем понятно, что все эти истории с «непорочным» зачатием лично от Святого Духа, делают Иисуса неким абсолютно исключительным существом, принадлежащим к роду человеческому более формально, нежели реально. Церковь, правда, определяет его природу дуалистическим термином «истинный Бог и истинный человек», тем самым «сближая его с народом», но понятно, что тот, кого назвали «истинным Богом», как «человек» всерьез уже никем восприниматься не будет. Слово «истинный» быстро трансформируется в «идеальный», а «идеальный человек», рожденный хоть и от земной, но тоже «идеальной», женщины, плюс лично от самого Господа Бога – это, согласитесь, совсем уж, как-то так, не «человек»...

Вместе с тем, если посмотреть на те речения Иисуса в Евангелиях, которые можно расценить, как, прямо или косвенно, касающиеся темы «божественной эксклюзивности», то ни в одном из них мы не сможем отыскать даже намека на попытку возвестить и утвердить какую-либо свою «эксклюзивность» такого рода.

Нет ни одного текста, где бы он сам прямо назвал себя Сыном Божиим – есть лишь несколько косвенных упоминаний о том, что он мог себя так называть. Зато в каждом предложении, где Иисус говорит о себе в третьем лице, он всегда называет себя только «человеком», – именно так переводится постоянно встречающееся в его речениях словосочетание «сын человеческий».

При этом в трех более ранних по времени написания Евангелиях, которые принято называть «синоптическими», т.е. – «общего взгляда» (а это Евангелия от Марка, от Матфея и от Луки), нет вообще никаких разговоров о божественности Иисуса. Но даже и там, где эта тема рассматривается достаточно широко и подробно, в Евангелии от Иоанна, даже и здесь тема божественности Иисуса звучит, отнюдь не «*экс-клюдивно*», а полностью «*ин-клюдивно*», как это ни покажется, может быть, странным!

Да, Иисус у Иоанна имеет Божественное происхождение. Иисус у Иоанна – это воплотившийся, материализовавшийся Божественный Логос, то есть – Мысль Бога, Замысел Бога, Слово Бога (все эти значения имеет греческое слово «логос»). Однако для материализации Логоса, для его воплощения, Иоанну не требуется никаких сказочных Рождественских историй, напрочь отсутствующих в его Евангелии.

Иоанн уверен, что Богу не требуется создавать никаких «чрезвычайных комбинаций», для того, чтобы воплотить Свой Замысел, ибо вся земля, и все, что наполняет ее, это

уже и есть воплощение, материализация Божественного замысла, и все необходимые «механизмы» и «комбинации» для этого уже созданы. Более того, у Иоанна во всем его Евангелии рефреном звучит мысль о том, что не только Иисус, но и *каждый человек* так же является воплощением Божественного Замысла, Божественного Логоса.

Собственно, чему тут удивляться – это вполне логически вытекает из признания человека творением Бога, поскольку любое творение всегда является ничем иным, как именно воплощением замысла – логоса, – своего творца!

Надо сказать, что и в Евангелиях у «синоптиков» неявным образом проходит такая же мысль, скажем, в речениях Иисуса о его чудотворениях. В этих своих речениях Иисус никогда не говорит о своих способностях, как о неких «эксклюзивных» проявлениях, присущих ему в связи с его «эксклюзивным Божественным происхождением и статусом». Напротив – каждый раз он в таких случаях говорит о том, что *каждому человеку* вполне по силам любые «чудотворения», достаточно лишь не сомневаться в достижимости результата!

Сам Иисус не сомневался в достижимости результата потому, что он не сомневался в своем единении с Богом. Для Иисуса Бог был Авва (или Абба), что означает даже не «отец», а по-детски близкое и родное «папочка» – тот, который никогда не подведет, на кого всегда можно положиться. И если Иисус предлагал людям иметь *такую же уверенность*

ность относительно возможности «чудотворений», какую имел сам, значит, он подразумевал, что у всех имеется и *та же самая основа*, тот же самый фундамент для этой уверенности, а именно – *той же степени единение* с Богом Отцом, с Богом-Папочкой!

И это априорное единение с Богом, к осознанию и принятию которого Иисус призывал людей, было в возвещении Иисуса отнюдь не только основным ингредиентом его «рецепта чудотворений», – в нем, собственно, заключалась вообще вся суть его учения, которое он называл Радостной Вестью, или по-гречески – Евангелием...

Но, не будем пока вдаваться в подробные рассуждения о подлинной сути возвещения Иисуса, о сути его Евангелия, чему посвящена отдельная глава этой книги. Сейчас лишь отметим еще раз, что представления Иисуса о его родстве с Богом, совершенно не *эксклюзивны*, то есть – не исключающие кого бы то ни было из этого родства, а – *инклюзивны*, то есть – включающие остальных людей в это родство!

В Евангелии от Иоанна выражение этих инклюзивных убеждений Иисуса достигает своего апогея. Так, в 17 стихе 20 главы этого Евангелия, Иисус, говоря о том, что он восходит «к Отцу своему», тут же добавляет – «и Отцу вашему», затем еще усиливая звучание мысли словами: «...И к Богу моему, и Богу вашему». Согласитесь, ни о какой «эксклюзивности», категорически отделяющей Иисуса от всех прочих людей и являющейся, по сути, *основной идеей историей*

Рождества – ни о какой такой эксклюзивности тут нет и речи! Наоборот, речь здесь идет, как раз, о прямо обратном.

Но все же самым прямым – я бы даже сказал, шокирующе прямым! – образом идея инклюзивности звучит в 10 главе Евангелия от Иоанна, в истории, где Иисус общается с некой враждебно настроенной к нему толпой. Там, видя их враждебность, Иисус спрашивает, за какое из сделанных им добрых дел эти люди так ненавидят его, и получает ответ, что добрые дела – добрыми делами, а вот то, что он, упоминая о своем сыновстве Богу, «делает себя равным Богу» – вот это есть страшный грех богохульства, за который по закону положено убивать, что они и намерены сделать.

Тут, казалось бы, Иисус, чтобы избежать неминуемой расправы, должен был срочно начать оправдываться, извиняться и убеждать толпу, что либо он ничего такого вовсе и не говорил, либо, если что-то и говорил, то совсем не то имел в виду, в чем его обвиняют и его просто очень неправильно поняли, либо еще что-нибудь в этом же духе... Уж не знаю, насколько могли бы такие оправдания помочь ему спастись от гнева воспаленной ненавистью и жаждой «праведного суда» толпы, но, к счастью, гадать на этот счет нет никакой необходимости: ни слова каких-либо оправданий от Иисуса тогда не прозвучало вообще.

А вот то, что тогда, согласно тексту Евангелия, из его уст прозвучало – это его слово подействовало на собравшихся просто парализующе, устранив всякую необходимость в

каких-либо «спасительных заигрываниях» с толпой! Тогда, сбитая услышанным от Иисуса с толку и впавшая, по-видимому, во внутренние дискуссии и споры, толпа на какое-то время потеряла свое единство и способность действовать, что позволило Иисусу беспрепятственно пройти сквозь нее и удалиться.

Что же такого «гипнотизирующего» нашлось в его арсенале? А нашлись тогда слова из Псалма 81, звучащие, «всего лишь», следующим образом:

«Я СКАЗАЛ: ВЫ – БОГИ» (Ин.10:34)...

Да-да, вот именно так, «просто и незамысловато», сказано от имени Бога, что Он обращается к людям с возвещением: **«Вы – БОГИ»!**

Конечно же, вокруг этих слов Псалма, процитированных Иисусом, христианскими богословами было сломано немало копий в стремлении объяснить (как самим себе, так и недоумевающей пастве), что «*боги*» тут вовсе не «боги», а так – просто не очень удачное словоупотребление, подразумевающее то ли судей, то ли еще кого-то. Однако объяснения получаются весьма малоубедительными, поскольку оставляют «неприятное послевкусие» непонимания, каким же образом *в прямую речь Бога(!)* могло закрасться «неудачное словоупотребление», причем неудачное настолько, что под ударом оказываются самые основы христианского мировоззрения, в котором никаких «богов» во множественном числе не может быть в принципе. В итоге, по себе знаю, что и сами эти сло-

ва и их «объяснение» христианам приходится «проглатывать зажмурившись»...

Однако простое логическое исследование текста этой истории показывает, что Иисус, цитируя этот Псалом, под словом «боги» понимал все-таки именно «боги», а не «судьи» или что-либо еще. Хотя вполне мог бы именно о судьях и суде заговорить, поскольку и судьи тоже в том Псалме упомянуты, и призыв к справедливому суду там есть, да и сама ситуация, в которой оказался Иисус – ситуация судилища толпы, – все, казалось бы, способствовало именно такому направлению речи.

Но, Иисус, однако, повел разговор совсем в иную и крайне неожиданную сторону. Крайне неожиданную для собравшейся тогда толпы, и крайне неприятную для дальнейших поколений христианских богословов...

Прежде всего, Иисус акцентировал внимание на том, что слова: «*Я сказал – вы боги...*», – записаны не где-нибудь, а в книге, признаваемой всеми собравшимися вокруг Священным Писанием, а значит они, как и другие слова Писания, должны иметь для собравшихся соответствующий вес и авторитет.

После этого он изложил свое понимание этих слов, вложив его в одну короткую, но очень емкую фразу: «*Он назвал богами тех, к которым было слово Божие...*», – и из этой его фразы следуют два ясных вывода о том, в чем его понимание заключалось. Вывод первый – слово «боги» Иисус по-

нимает *исключительно в прямом смысле*, не придавая ему никаких иносказательных значений. Вывод второй – Иисус убежден, что понятие «боги» относится не к некой узкой группе, как-то там и кем-то, «избранных», а ко всем, «к кому было слово Божие».

Но, кто же имеется в виду под теми, «к кому было слово Божие»? Очевидно, что Иисус, в том конкретном случае, имел в виду, как минимум, всех Иудеев, то есть всех, принимающих Книгу Псалмов, как часть Священного Писания. И конкретно он имел в виду тех Иудеев, которые сбились тогда в ту враждебную толпу, которая готовилась казнить его за «богохульство».

И вот, обращаясь к этой толпе, Иисус завершает свою логику рассуждений: «*Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, тому ли, которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: «Богохульствуешь!..», – потому что я сказал: «Я сын Божий»?!»* (Ин.10:35-36).

И логика его здесь такова: вы говорите, что я «богохульствую», называя себя сыном Божьим, поскольку этим «делаю себя равным Богу», но смотрите: *в вашем же Писании* приведены слова *Бога*, где Он *вас самих, тех, к кому обращено слово Божие*, называет не иначе, как *богами*, делая *вас* равными *Себе!*

Понятно, что на разных людей эти слова Иисуса и его логика подействовали по-разному, и в Евангелии дальше ска-

зано, что «*тогда опять искали схватить его*», но судя по тому, что ситуация завершается все же тем, что «*он уклонился от рук их*», монолитность свою толпа явно тогда потеряла.

Нам же сейчас эта ситуация интересна тем, что в ней ярко представлено мировоззрение Иисуса, совершенно очевидно лишенное каких-либо мотивов собственной «радикальной исключительности», категорически отделяющей его от всех людей. *Ведь даже когда речь заходит о Божественности, он, признавая это качество за собой, признает его же и за всеми людьми!*

Понятно, что при таком мировоззрении совершенно нет никакой нужды в каком-либо невероятном появлении на свет через какое-то «непорочное» зачатие, категорически отделяющее «непорочно зачатого» от всех прочих, зачатых «порочно»! Поэтому, возвращаясь к нашим рассуждениям о достоверности историй Рождества, отметим вновь, что они, своим не просто *выделением* Иисуса из числа прочих людей, а его категорическим, сущностным *от-делением* от всех, полностью ***противоречат*** инклюзивному мировоззрению Иисуса, выражаемому в его речениях во всех четырех Евангелиях!

Таким образом, подтверждается сделанное выше утверждение, что истории Рождества опровергаются не только их текстологическим анализом и результатами их рассмотрения в историческом контексте возникновения христианской церкви, но и тем, что сам их основной смысл прямо проти-

воречит убеждениям Иисуса Христа.

Невозможно себе представить, чтобы Евангелисты Матфей и Лука стали бы в самом начале своих повествований, в первых его двух главах, излагать одно мировоззрение, а начиная с третьей, во всех последующих главах до последней – прямо ему противоположное.

И вывод из этого «невозможно» следует только один: *ни Матфей, ни Лука не знали и не записывали в своих Евангелиях никаких «историй Рождества»!* А это, в свою очередь означает, что были эти истории написаны и приписаны к их текстам кем-то другим, и в какой-то более поздний период, о чем мы подробно и рассуждали выше.

Глава 9. Рождество – выдумка, да здравствует Рождество!..

Что же, думается мне, можно подводить окончательные итоги...

А они просты и очевидны: *истории Рождества не выдерживают ни текстологической, ни исторической, ни смысловой проверки на достоверность, и должны быть признаны недостоверными, приписанными к аутентичным евангельским текстам в 4 веке н.э.*

Значит ли это, что мы «теряем Иисуса Христа», плюс должны теперь перестать праздновать такой милый и трогательный праздник, как Рождество? Конечно же нет, ни в каком случае не значит!

Вовсе не «теряем» мы ни Иисуса Христа, ни Рождество. Мы просто избавляемся и в том, и в другом случае, от не только никчемного, но, на самом деле, крайне вредоносного «воскурения фимиама», в одурманивающих клубах которого теряются всякие контуры реальности, и все, связанное с Иисусом, превращается в нечто сказочное, театрально-буффорское, не имеющее никакого настоящего отношения к реальной жизни.

Христианская религия на потоке выдает нам красочные театрализованные постановки и приглашает посещать ее

«музей почтительных мечтаний, воспоминаний и вздохов», а Иисус предлагает *новое мировоззрение и новый менталитет*, что всегда означает и *новую практику жизни!*

Конечно, можно задаться вопросом – а разве одно другому непременно должно мешать? Разве не может мировоззрение Иисуса Христа доноситься до нас именно со сцены «церковных спектаклей»? Однако, именно практика жизни показывает, что на самом деле, увы, – очень даже мешает тут одно другому.

Ведь согласитесь: никто ни в театр, ни в музей не ходит для того, чтобы *научиться* жизни. Ходят, чтобы *отвлечься* от жизни. И кто же, согласитесь, станет всерьез интересоваться речами сказочного театрального персонажа, кто станет всерьез примерять их к своей жизни, и уж тем более – *всерьез применять* их в своей жизни? Ну, разве что, суще-единичные персоналии, которым очень уж сильно при-спичит напрягаться, чтобы сквозь все театрализации и бута-форию церковных постановок пробиваться к спрятанному за всем этим оригиналу...

Однако, когда и если, какой-то такой персоналии действительно удастся-таки пробиться к оригиналу, быстро выясняется, что суть и смысл оригинала настолько далеки от его церковных театрализаций, настолько искажаются ими, что пробившаяся к оригиналу персоналия теряет всякое желание быть их зрителем и участником!

И таким образом получается, что не только процесс цер-

ковной бутафоризации-театрализации мешает проявлению подлинной сущности учения Иисуса Христа и приобщению к ней людей, но и сама эта сущность (когда кому-то удастся к ней пробиться и овладеть ею) оказывается вдохновителем и центром сопротивления всякой церковной «театральщине» и «музеефикации».

Так что отказ от «церковного театра» (да простят меня настоящие театры и театралы!) не только вовсе не является «отказом от Иисуса», а ровно наоборот – его подлинным обретением. Не «теряем» мы Иисуса с отказом от, пусть и красивых, сказок и, пусть и эффектных, выдумок о нем, как никогда никто ничего не теряет, отказываясь от лжи и иллюзий.

Более того, лишь отказ от ложного представления о ком-либо открывает дорогу к знакомству с реальной личностью, так что *отказ от выдуманного Христа – это есть необходимое условие для знакомства с реальным Иисусом!*

Знакомство, которое, в свою очередь, является необходимым условием для раскрытия и постижения его реального учения, его подлинных идей и убеждений. А его подлинное учение необходимо нам, как главный инструмент для достижения реальных перемен в себе, в своей жизни и жизни окружающего мира.

Так что каждому из нас надо просто выбрать, чего мы на самом деле хотим: быть хроническими зрителями на спектаклях (что конечно легче), или быть творцами себя и своих жизней, что, конечно, потруднее, потому что творец – это

всегда работяга!..

Так теряем ли мы сам праздник Рождества от того, что выяснилась недостоверность приписанных к Евангелиям от Луки и Матфея историй? Нет, конечно же – ведь никуда не делся Иисус, чьим Днем Рождения и является праздник Рождества! Так что, будем праздновать этот его – пусть и условный, поскольку реальная дата нам все-таки неизвестна, – День Рождения, радуясь обретению правды! Правды о нем, и правды его. Правды, частицу которой мы уже для себя открыли в прочитанном разделе книги, и правды, которую мы продолжим открывать в следующих разделах книги.

Счастливого всем Рождества!

Часть II. Иисус Христос – жизнь, «которой не было».

Раздел I. Детско-отроческий период.

Глава 1. «Евангелие детства от Фомы».

Во всех четырех Евангелиях Нового Завета, Иисус, как их главное действующее лицо, появляется в возрасте примерно 30 лет буквально из ниоткуда. Даже если принимать во внимание истории Рождества, и то Иисус последний раз упоминается там в возрасте 12 лет, так что, даже в этом случае существует информационный провал, длительностью, как минимум, восемнадцать лет.

И хотя, как мы выяснили в предыдущей главе, истории Рождества не являются ни аутентичными, ни достоверными, все же в том, что касается именно этого биографического упоминания о 12-летнем Иисусе, они могут содержать отголоски неких циркулировавших в те времена среди христиан слухов, то есть иметь под собой какую-то достоверную основу.

Начем с того, что текст этого эпизода в историях Рождества, приписанных к Евангелию от Луки, практически *слово в слово* повторяет текст апокрифического Евангелия детства от Фомы, написанного во 2 веке нашей эры. И, судя по всему, именно из этого Евангелия детства этот текст и был заимствован в IV веке составителями того варианта историй Рождества, что дописали к Евангелию от Луки. Обратного заимствования здесь быть не может, поскольку, напомним, манускрипт Евангелия детства от Фомы датируется II веком, а истории Рождества составлялись два века спустя – в IV.

К тому же, если допустить-таки, что было все же наоборот, и истории Рождества имелись в Евангелии от Луки уже и во II веке, и что именно автор Евангелия детства от Фомы скопировал эпизод с 12-летним Иисусом из текста Луки, то тогда совершенно непонятным оказывается, почему же он взял только один этот эпизод, полностью проигнорировав все остальное описательное великолепие знамений, ангелов и чудес? Никакого смысла поступить таким весьма странным образом, у автора Евангелия детства не было.

Так что, совершенно очевидно, что заимствование было, все же, именно из текста Фомы в текст Луки. Причем, составители историй Рождества для Евангелия от Луки настолько стремились избавиться себя от «лишней» творческой работы (что, по-видимому, говорит об авральном характере этой работы), что слова для Елизаветы, приветствовавшей, по их версии, Марию у себя в доме, они так же *дословно* взяли из

Евангелия детства. Для этого им, правда, пришлось историю с 12-летним Иисусом, изложенную там, немного «раздробить», изъяв слова «благословенна ты между женами, ибо Господь благословил плод чрева твоего» у произносивших ее в Евангелии детства книжников и фарисеев, и вложив, в своем тексте, уже в уста Елизаветы (Лк. 1:42).

Впрочем, судите сами – вот отрывок Евангелия детства, о котором идет речь (приводится по тексту интернет-порталов apokrif.fullweb.ru и skazanie.info).

«XIX. И когда Он был двенадцати лет, пришли Его родители по обычаю в Иерусалим на праздник пасхи вместе с другими. Когда же после праздника возвращались домой, Иисус пошел обратно в Иерусалим, родители же думали, что Он идет вместе со всеми. Прошедши дневной путь, стали искать Его среди родственников и близких. И, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, чтобы искать Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего среди учителей, слушающего Закон и спрашивающего их. И все со вниманием слушали Его и дивились, как Он, будучи ребенком, заставил умолкнуть старейшин и учителей народа, разъясняя Закон и речения пророков. И мать Его сказала Ему: Дитя! Что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем вам было искать Меня? или вы не знали, что Мне надлежит быть в том, что принадлежит Отцу моему. А книжники и фарисеи сказали: Ты – мать этому ребенку? И она сказала: да. И они сказали ей:

благословенна ты между женами, ибо Господь благословил плод чрева твоего. Такой славы, такой доблести и такой мудрости мы никогда не видели и никогда о ней не слышали. И Иисус встал и пошел за своей матерью и был в повиновении у своих родителей. И мать Его сохранила все слова в сердце своем. Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в благодати. Слава Ему во веки веков. Аминь».

Так что, как можно видеть, история с 12-летним Иисусом не является выдумкой IV века, а позаимствована авторами рождественских сказаний из текста, составленного в веке втором, если не в конце первого. А это значит, что можно достаточно смело говорить о том, что история эта вполне может иметь под собой реальную основу.

Вообще же, следует заметить, что сколь бы апокрифичным не признавался текст Евангелия детства, невозможно отрицать, что этот текст был написан кем-то из христиан и отражает, во-первых, живой интерес христиан I-II веков к теме детско-отроческого периода жизни Иисуса, а во-вторых – бытовавшие тогда в определенных христианских кругах представления об этом периоде его жизни. И были эти представления, надо сказать, такими, что добавлять их к Евангелию от Луки, вместе с историей об Иисусе в Храме, не сочли возможным...

Что же такого «невозможного для официальной публикации» было в историях Фомы? Почему для историй Рождества позаимствовали только лишь эпизод с отставшим от

родителей Иисусом, а все остальное содержание Евангелия детства от Фомы церковь предала остракизму, объявив его апокрифом, подлежащим изъятию из оборота и уничтожению?

Что ж, после знакомства с полным текстом этого Евангелия, ответ на этот вопрос оказывается вполне очевидным: дело в том, что о детстве Иисуса в нем сообщаются такие сведения, что сколько не объявляй их «чудесами проявления силы Божьей», – что автор изо всех сил и старался сделать! – они все равно шокируют своего читателя описанием весьма странного образа поведения своего главного героя. От одной истории к другой, Иисус предстает перед нами отнюдь не «ангелочком Божиим», а импульсивным и агрессивным ребенком-проблемой, от действий которого страдают и дети, и взрослые, так что односельчане снаряжают целые делегации к его родителям, с одной-единственной просьбой: как-нибудь унять и приструнить свое чадо!..

Такого рода образ «дитяти Иисуса», понятно, никак не вписывался в идею о ребенке, зачатом «непорочно», «от Духа Святого», и потому церковь вынуждена была отказать Евангелию детства в легитимности, и, негласно изъяв из него только подходящую часть текста, объявила его апокрифом, запретив читать и постаравшись все его тексты уничтожить. То, что один его манускрипт сохранился до наших дней – это просто настоящее чудо!

Мы же пока зафиксируем в памяти тот факт, что у автора,

сделавшего во II веке н.э. попытку описания детства Иисуса, были сведения о том, что Иисус был ребенком проблемным, конфликтным и агрессивным. И хотя все эти качества и проявления Иисуса автор попытался приписать действию в нем «божественного величия», которое де, нельзя было ничем оскорблять, и все, кто хоть как-то и чем-то «оскорбил», просто «получали по заслугам», эти его «объяснения» церковью приняты не были, – дитя, провозглашенное в IV веке «божественным» так вести себя не могло! Но мы, еще раз, отметим для себя, что для автора II века – вполне могло, и даже именно так себя и вело.

Завершая же тему Евангелия детства от Фомы, хочу еще раз, но чуть подробнее, остановиться на том факте, что автор Евангелия детства не приводит в своем тексте *ни единого упоминания* о чудесах Рождества, несмотря на его совершенно очевидную склонность к изображению детско-подростковых лет жизни Иисуса, как последовательности чудесных Божественных проявлений.

Еще раз отметим, если бы ко времени написания Евангелия детства, сказания о Рождестве *уже присутствовали бы* в Евангелии от Луки, то, как я уже говорил, списав с них в Евангелие детства историю с 12-летним Иисусом, автор логически должен был бы точно так же переписать если не все остальные чудеса, то хотя бы часть из них. Ведь начинается Евангелие детства от Фомы с многообещающего заявления о том, что описаны будут никак не меньше, чем «*все события*

детства Господа нашего Иисуса Христа»!

Что же могло бы удержать его от списывания всего – или уж, хотя бы, части! – того, что мы читаем сегодня в первых двух главах Евангелия от Луки, если бы историю оставшегося в Иерусалиме 12-летнего Иисуса автор списал оттуда? Да ровным счетом ничего! И отсутствие в Евангелии детства описания чудес, имеющих в первых двух главах Евангелия от Луки, более чем ясно говорит о том, что автор Евангелия детства никаких таких историй в Евангелии от Луки никогда и в глаза не видывал, а история с 12-летним Иисусом была списана *не им*, а именно *с него*!

Так что факт существования текста, называемого Евангелием детства от Фомы и датированного II веком нашей эры, текста, в котором, несмотря на его прямую тему, нет ни единого упоминания ни об одном из тех чудес, что описаны в Рождественских историях канонических Евангелий, является еще одним доводом в пользу того, что во II веке, историй Рождества в текстах Евангелий от Луки и от Матфея однозначно еще *не было*.

Сегодня неизвестно, предпринимались ли в I-II веках еще какие-либо попытки составлять описания детства Иисуса, но, думаю, что если они и были, то с этими описаниями церковь поступила так же, как и с Евангелием детства от Фомы, и даже еще «эффективнее», поскольку от них не осталось вообще ничего. Таким образом, целенаправленными усили-

ями, церковь создала практически полный информационный вакуум в отношении детско-отроческого периода жизни Иисуса...

Глава 2. Странности молчания и запретов.

К теме «неприемлемых историй» Евангелия детства от Фомы, мы позже еще вернемся, а пока отметим, что означенный выше информационно-временной провал в биографии Иисуса может оказаться и большим, нежели восемнадцать лет, поскольку возраст, в котором Иисус начинает фигурировать в евангельских текстах, указывается в них лишь приблизительно. В одном случае сказано, что он «был лет тридцати» (Лк.3:23), а в другом – дискутирующие с ним люди произносят фразу: «Тебе нет еще и пятидесяти лет...» (Ин.8:57), – означающую, что ему могло быть и существенно больше, нежели тридцать. Вот, собственно, и все «указания», имеющиеся в нашем распоряжении относительно его возраста...

А что же было с ним до того, как он дожил до «лет тридцати» или, возможно даже, до около пятидесяти? Где, в какой семье он родился и вырос? Кем и как воспитывался? Как прошли его детство и отрочество? Что он делал в юности и чему посвящал свои более зрелые годы? Ни на один такого

рода вопрос мы не найдем ответа ни в одном из, подчеркну, *канонических* жизнеописаний Иисуса.

Так неужели же этих ответов нет вовсе? Давайте, попробуем, все же, поискать...

И начнем мы эти наши поиски с того, что обратим внимание на величайшую странность самого по себе наличия в биографии Иисуса вышеозначенного периода «времени неизвестности», охватывающего основную часть его жизни, описываемую в канонических Евангелиях. Ведь даже если принять, что в них его жизнь начинают описывать с того момента, когда ему было тридцать, и описываемый период охватывает три года, как в Евангелии от Иоанна, а не один год, как в синоптических Евангелиях, и тогда получается, что нам известны лишь 10% его жизни, а 90% – это полнейшая неизвестность!

И это крайне странно для жизнеописания человека, чьи последователи создали религию его имени, религию, получившую всемирное распространение, просуществовавшую тысячелетия и на сегодняшний день являющуюся крупнейшей из мировых религий. Мы много знаем о жизни принца Гаутамы до того времени, когда он стал Буддой. Нам известна подробная биография Мухаммеда до того, как он стал основателем религии ислама. Мы знаем подробности жизни Авраама, Исаака, Израиля и Моисея...

Список можно продолжать долго. Но сколько его ни продолжай, такой ситуации вопиющего биографического ин-

формационного дефицита, как в случае с Иисусом Христом мы не встретим нигде и ни с кем из тех, кого относят к основателям религий!

Чем его можно попытаться объяснить? Древностью? Тем, что в ту далекую эпоху, когда жил Иисус людям попросту были-де малоинтересны биографические подробности жизни великой личности? Да нет, понятно, что такое объяснение никуда не годится. Гаутама-Будда жил в еще более древние времена, за шесть столетий до Иисуса, а его биографы и тогда проявляли живейший интерес ко всем аспектам его жизни.

В таком случае, может быть ситуация объясняется культурными особенностями жизни в древнем Израиле? Может именно там и тогда, среди иудеев было не принято интересоваться биографией тех, кого почитали великими не в делах «мира сего», а в «горних сферах»? Но нет, и это предположение не получает права на существование, поскольку о жизни еще более древних представителей великих вождей народа Израиля, тех, кто общался с Богом и с кем общался Бог, о жизни тех же Авраама, Исаака, Иакова и Моисея мы знаем в достаточно многих деталях и подробностях.

Кроме того, Евангелие детства от Фомы, как уже говорилось, является документальным отражением наличия в кругах христиан живого интереса к теме прошлого Иисуса. Да и непосредственно в Новом Завете имеются ясные указания на тот же интерес христиан, выразившийся в широком рас-

пространение среди церковной паствы активных дискуссий по вопросу родословия Иисуса. Об этом, в частности, говорится в посланиях апостола Павла к Тимофею и к Титу.

Однако, самым удивительным образом, этот совершенно естественный, понятный и нормальный интерес уже первого поколения христиан к биографии того, кого они приняли, как центр и средоточие своей веры и упования, натолкнулся на резко отрицательную реакцию со стороны церковного руководства в лице того же апостола Павла. Апостол не только никоим образом не поспособствовал удовлетворению этого интереса и не стал вносить какую-либо ясность в эту тему, но, сравнив дискуссии по этому вопросу с «небылицами», «баснями» (1Тим. 1:4) и «глупыми словопрениями» (Титу 3:9), он попросту... *запретил* их!

Таким вот престранным образом, вместо того, чтобы внести в тему о прошлом Иисуса полную ясность, действуя простым методом предоставления правдивой информации, чем и положить конец «глупым словопрениям» на сей счет, Павел резко и категорически, без всякого объяснения причин тему эту *запрещает*(!), закрывая ее раз и навсегда.

Что ж, с одной стороны, факт данного запрета несколько проясняет для нас причину возникновения того тотального информационного дефицита, который мы имеем в случае с биографией Иисуса, но с другой стороны, он же порождает еще больше вопросов с еще большей долей недоумения в них. Ведь сложение факта абсолютно синхронного молчания

о происхождении и прошлом Иисуса всех его четырех биографов (как и полного молчания на сей счет всех остальных текстов Нового Завета) с вышеозначенным запретом апостола Павла, дает в сумме очевидный вывод о (ни много, ни мало!) *преднамеренном сокрытии, засекречивании* данной информации.

В самом деле, лишь этим засекречиванием можно объяснить то, что сразу все четыре биографа человека, чью биографию им не просто кто-то поручил составить, но человека, которого каждый из них сам лично безмерно уважал, любил и почитал, как Божество, вдруг, не стовариваясь, проявили бы совершенно невероятное «равнодушие» к девяноста процентам времени его жизни!

Отсутствие в Евангелиях данных о прошлом Иисуса не может объясняться ни случайностью, ни «незнанием» евангелистов. Случайная «забывчивость» тут невозможна по определению – это не букву в слове случайно пропустить. Не знать же о прошлом Иисуса они не могли, поскольку каждый из них достаточно долгое время очень близко общался либо с самим Иисусом, либо с кругом его ближайших учеников-апостолов.

В таком близком, длительном и доверительном общении, все вопросы, разумеется, были заданы, и все ответы получены, так что знать о прошлом Иисуса авторы его жизнеописаний, безусловно, знали. Разумеется, понимали они и необходимость хоть что-то из этой сферы упомянуть в своих Еван-

гелиях. А раз, при всем при этом, они ровно ничего таки не упомянули, значит, это может говорить только о том, о чем и было сказано выше, а именно – *информация о прошлом Иисуса преднамеренно скрывалась, была под запретом!*

Но почему?!. Чем можно объяснить этот странный гриф «совершенно секретно», наложенный основателями христианской церкви на сведения о прошлом Иисуса Христа? На мой взгляд, ответ тут может быть только один, и он достаточно очевиден.

Во все времена, везде и всегда, о людях, имеющих хоть какое-то общественное значение, их сторонники старались тщательно скрывать *лишь ту информацию, которая могла этих людей серьезно **скомпрометировать***. И в случае с Иисусом Христом, сокрытие информации о его прошлом и прямой запрет на ее поиск, едва ли может иметь какие-то иные причины.

Во всяком, об этих «иных причинах» нигде не сказано ни единого слова, а попытки объяснить ситуацию «отсутствием спроса» на информацию о прошлом Иисуса, «забывчивостью» или «неинформированностью» его биографов, как мы уже установили, никуда не годятся. Особенно в свете уже не раз нами упомянутых запретов апостола Павла на поисковую деятельность в этом направлении...

Таким образом, вывод складывается однозначный: *единственно возможным объяснением факта отсутствия информации о прошлом Иисуса является ее **засекречивание***,

которое, в свою очередь, может иметь лишь то объяснение, что эта информация имела слишком предосудительный характер.

Глава 3. Слишком предосудительная информация...

Я хочу обратить внимание на то, что характер информации о прошлом Иисуса должен был быть именно *слишком* предосудительным! Ведь ее даже либо и не попытались хоть как-то «подкорректировать», видоизменить и приукрасить, либо попытались, но убедились в бесперспективности «нанесения косметики», и потому просто взяли и грубо обрубали всякий к ней доступ и всякое разглашение! Так что это тихое молчание о прошлом Иисуса, при ближайшем рассмотрении, оказывается очень даже громким и многозначительным...

Я понимаю, что для тех, кто привык ассоциировать Иисуса Христа исключительно с чем-то абсолютно идеальным, любая мысль о том, что его земная биография может состоять из чего-либо иного, кроме идеального совершенства, кажется совершенно нелепой. А уж тем более нелепа мысль о том, что в биографии Иисуса может быть нечто компрометирующее, не говоря уж о предосудительном.

Допустить же, что это «компрометирующее и предосуди-

тельное», не только имеется, но к тому же еще и носит настолько серьезный характер, что об этом даже и говорить запретили – это уж вообще из области чего-то большего и худшего, чем нелепость, это уже «настоящее кощунство»!..

Еще раз – я понимаю такие чувства и диктуемые ими выводы. Но вместе с тем, в условиях того, что все попытки объяснить молчание Евангелистов «чем и как угодно», увы, не дали никаких результатов, а принять вариант «вообще не объяснять» я никак не могу, я *вынужден* обратиться к тому варианту, который – каким бы он ни был! – ситуацию действительно объясняет.

Я вынужден это сделать, поскольку считаю Иисуса реальной, а не выдуманной, мифической личностью, и потому хочу обладать именно реальной, а не выдуманной информацией о нем и о его жизни.

Кроме того, паника по поводу допущения с моей стороны возможности существования каких-то «предосудительных» сведений об Иисусе, как минимум, сильно преувеличена, если не вовсе напрасна. Ведь даже более-менее внимательный взгляд на евангельские тексты, выявляет в них наличие такой информации об Иисусе, которую трудно расценить иначе, чем «предосудительную», и «компрометирующую».

Взять, хотя бы, параллельные тексты из Евангелия от Матфея, 11:16-19 и Евангелия от Луки, 7:31-35. Там Иисус, рассуждая о трудностях взаимоотношений проповедника с аудиторией, приводит образ детей, играющих на улице, ко-

гда одни дети то играют на дудочке веселые мелодии, то поют грустные песни, а другие дети на это совсем не реагируют: ни под дудочку не танцуют, ни под грустные песни не печалются.

Далее, он раскрывает эту метафору и объясняет, что имеет здесь в виду себя и Иоанна Крестителя, – людей, ведущих два *противоположных* образа жизни и обращающихся к людям с двумя *разными* возвещениями, но, при этом, одинаково не принимаемых людьми:

«Ибо пришел Иоанн Креститель, ни хлеба не ест, ни вина не пьет. И говорите: «В нем бес». Пришел Сын Человеческий, ест и пьет. И вы говорите: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам!». И оправдана премудрость всеми чадами ее», – Лк. 7:33-35 (синодальный перевод).

Здесь мне, прежде всего, хочется обратить внимание на то, что Иисус проводит четкую разделительную грань между собой и Иоанном Крестителем. Иоанн воплощал собой образ настоящего религиозного проповедника-обличителя: вел строгий аскетический образ жизни, проводя дни и ночи в весьма суровых условиях каменистой Иудейской пустыни, питаясь там лишь саранчой и диким медом, и одеваясь в нечто, названное в Евангелиях «одеждой из верблюжьего волоса».

Его проповедь была полна яростного обличения людей в их грехах и угроз, что некто, кто придет следом за ним, бу-

дет уже не просто «глаголом жечь сердца», а, испытав людей, провеяв всех, как зерно на гумне, сожжет всех тех, кого сочтет «мякиной» в совсем не фигуральном «огне неугасимом».

Всем, впечатленным такой перспективой, Иоанн предлагал покаяться в грехах и в знак очищения омыться в водах Иордана, за что и был назван Иоанном Баптистом, от греческого слова «баптизо», означающего «омывать, погружать». В русском варианте вместо слова «баптист» используется «креститель», что является даже не «вольным переводом», а просто ассоциативным присвоением смыслового значения: поскольку в русской церкви процедуру сакрального омовения называли «крещением», то и Иоанна решили именовать Крестителем.

На омовения/крещения к Иоанну шли довольно многие, так что вокруг него сложилась достаточно большая группа последователей, почитавшая его как Мессию/Христа и просуществовавшая еще века после его смерти. Собственно, даже сегодня в Иране и Ираке существует религиозная группа Мандеев, почитающих Иоанна под именем Йахья, как Христа.

И вот с этим своим знаменитым современником, Иисус (сам некогда прошедший через процедуру Иоаннова крещения) и сравнил себя. И сравнив себя с Иоанном, он ясно и четко *отделил* себя от него!

В метафоре Иисуса, Иоанн – это певец грустных песен,

а сам Иисус – это тот, кто играет на свирели мелодии отнюдь не грустные, а такие, под которые стоило бы пуститься в пляс. Так что, как можно видеть, цели и задачи у «певца» и «музыканта» тут разные и даже более того – противоположные.

Когда же метафора начинает раскрываться, и Иисус переходит к описанию двух образов жизни – своего и Иоанна, различие между ними становится и вовсе очевидным и вопиющим.

Иоанн – «классический» религиозный аскет, исключивший из своей жизни всякое, даже маломальское, удовольствие: *«Ни хлеба не ест, ни вина не пьет»*. И хотя это приносит ему славу одного из виднейших религиозных деятелей, тем не менее, по свидетельству Иисуса, в народе есть немало тех, кто за спиной у Иоанна называет его «бесноватым», то есть – психически больным человеком, а короче говоря, извиняюсь, – просто психом.

Зафиксировав ситуацию с Иоанном, Иисус переходит к описанию уже своего образа жизни, и вот тут мы начинаем сталкиваться с некоторыми совсем неожиданными заявлениями, содержащими информацию как раз того самого «предосудительного» и «компрометирующего» характера, о которой шла речь выше. Судите сами, вот что Иисус говорит о себе и о своей репутации в народе:

«Пришел Сын Человеческий, ест и пьет. И вы говорите: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мы-

тарям и грешникам!».

В этих словах слышится ясное заявление Иисуса, что он, во-первых, совершенно далек от какого бы то ни было аскетизма. Если Иоанн *«ни хлеба не ест, ни вина не пьет»*, то Иисус – *«и ест, и пьет»*, причем под *«пьет»* явно имеется в виду употребление отнюдь не водички, без которой, разумеется, не обходился и Иоанн. Тут речь прямо и недвусмысленно идет о питии вина, коего Иоанн, по словам Иисуса, не пил, а вот Иисус, по его собственному утверждению – таки в своем рационе, скажем так, использовал.

Надо сказать, что христиане, отстаивающие принципы абсолютной трезвости и объявляющие употребление алкоголя грехом, пытаются утверждать, что под словом «вино» здесь (и во всех прочих текстах Нового Завета, где говорится об употреблении вина Иисусом Христом) следует понимать ни что иное, как просто «виноградный сок». Однако, увы, контекст данного эпизода, записанного в двух Евангелиях, говорит об обратном...

Иисус приводит слова *«вот человек, любящий есть и пить вино»*, как отражение *негативно-осуждающего* отношения к себе окружающих, а не в качестве описания мнения народа по поводу его гастрономических предпочтений, имеющих совершенно «невинный» характер: любит-де «покушать и запить еду виноградным соком». Едва ли кому-то придет в голову осудить кого-либо за «виноградный сок»! Здесь же Иисус передает именно осуждающий смысл в мнении людей

о себе, а потому речь идет все-таки именно о том «виноградном соке», который уже превратился-таки в вино.

Более того: в обществе, в котором само по себе употребление спиртных напитков не запрещено и входит в этико-гастрономическую норму, не станут никого осуждать просто за *употребление* вина – осуждению может подвергнуться лишь *злоупотребление* оным. А это означает необходимость признать, что Иисус не просто пил вино, но и с некой периодичностью употреблял его в количестве, скажем так, выходящим за рамки нормы, поскольку за иное он никакому осуждению окружающих явно не подвергся бы...

И надо сказать, что этот «кошунственный вывод» подтверждается прямым и честным переводом исходного греческого текста. Дело в том, что рассматривавшийся нами синодальный перевод, в котором сказано «*вот человек, любящий есть и пить вино*», на самом деле является примером не точного перевода, а стыдливо-цензурированного изложения исходного текста. Того исходного греческого текста, в котором на самом деле стоят совсем другие слова: «*Смотрите, вот **обжора и пьяница***» (Лк7:34; Мф.11:19, современный русский перевод, Москва, РБО)!

Такая вот «правда текста»...

И хотя церковные переводчики XIX века (когда был составлен тот перевод, который называют «синодальным» и считают «классическим») стыдливо завуалировали «грубости» оригинального греческого текста более «прилич-

НЫМ» «любит есть и пить вино», но даже и в этом варианте тут мало что удалось закамуфлировать.

Факт очевиден: за Иисусом, *по его собственным словам*(!), в народе закрепилась слава «обжоры и пьяницы», любителя весело, как говорится, «погулять»! Причем «погулять» в компании со «всяким сбродом», как следует понимать цитирование Иисусом презрительного: «*Приятель сборщиков податей и прочих грешников!*» (перевод РБО).

Согласитесь, сведения о том, что в народе за Иисусом закрепилась репутация «обжоры и пьяницы», иначе, чем «порочащими» назвать трудно. Только представьте себе, если бы сегодня нечто подобное стали говорить о ком-то из сколь-нибудь заметных христианских священников, проповедников или любых иных религиозных деятелей – что б тут поднялось!..

Все немедленно и решительно стали бы от всего отмежевываться и категорически все опровергать, заверяя в своей полной непричастности, обвиняя в клевете и распространении порочащих измышлений, что воспринялось бы всеми, как вполне естественная реакция. Так вот, на фоне всей такого рода «естественной реакции» проповедников и «нормальных» религиозных деятелей, реакция Иисуса на «обжору и пьяницу» в свой адрес выглядит просто поразительно!

Иисус ничуть не пытается «защититься» от такого народного мнения о себе, не пытается оправдаться и объяснить, что «обжора и пьяница» – это гнусная клевета и наветы вра-

гов. Ничего подобного!

Прочитав этот, мягко говоря, неоднозначный «глас народа» о себе, Иисус лишь спокойно произносит некую многозначительную фразу: «*И оправдана премудрость всеми чадami ее*», – чем и завершает свой сравнительно-аналитический экскурс в тему отношения определенной части людей к попыткам что бы то ни было им проповедовать. Никаких оправданий, никаких опровергающих заявлений, никакой патетики из серии «как они только могут!» – ничего подобного мы от него не слышим...

Однако, что же означают эти его слова о «премудрости», которая, оказывается, «оправдана всеми детьми ее»? Тут, правда, надо сразу отметить, что разные греческие тексты дают здесь разные варианты: премудрость оказывается оправданной либо «детьми своими», либо «делами своими». Но и в том, и в другом случае становится очевидным убеждение Иисуса, что характер проповедуемой им «премудрости» таков, что она не должна и не может пострадать от «дурной репутации» ее проповедника, как любителя «славно попиловать».

Не может и не должна, потому что, судя по всему, мудрость, в понимании Иисуса, не требует от человека отказа от неких самых обычных, «земных» радостей и удовольствий. Так что, если он своим образом жизни и не укладывается в рамки стандартных представлений о «настоящем/правильном» учителе мудрости, все же внимание следует обращать

не на «степень соответствия», а на суть того, что он пытается донести – на саму ту мудрость, которую он излагает.

А о том, действительно ли это мудрость или просто некое «напыщенное пустословие», Иисус предлагает судить по тем *плодам*, которые она приносит (или не приносит!) в жизни людей. Не по тому судить о наличии или отсутствии мудрости, насколько соответствует проповедник образу «настоящего проповедника», а именно по тому, насколько его идеи работают или не работают в реальной жизни реальных людей!

Так что, когда проповедь Иисуса подтверждается делами такого рода, что *«слепые снова видят, калеки ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвых воскрешают»* (Лк.7:22, перевод РБО) – то вот на это и надо обращать внимание, решая вопрос о том, «настоящий» ли проповедник и «настоящая» ли у него мудрость.

Таким вот образом и оказывается Божья мудрость *«своими делами оправдана»* (Мф.11:19, перевод РБО). Те же, кто научились это понимать – это есть *«дети премудрости»*, в коих она обрела свое «оправдание»...

Однако глубокому и детальному погружению в понимание идей и возвещения Иисуса мы в дальнейшем посвятим отдельную главу этой книги. Пока же – вернемся к нашему исследованию прошлого Иисуса, и выводу о том, что *молчание* о нем его биографов является ничем иным, как *замалчиванием* этого прошлого.

Глухим, тотальным замалчиванием, объяснить которое невозможно ничем, кроме предположения о том, что в прошлом Иисуса было нечто такое, что *очень и очень серьезно компрометирует* его образ. Настолько серьезно, что этого было даже никак и не подправить, не подретушировать, так что оставалось только одно – просто молчать, не рассказывая о его прошлом вообще ничего.

В ответ на вполне предсказуемую реакцию возмущения этим выводом со стороны религиозного сообщества, не могущего допустить и мысли о чем бы то ни было неидеальном – не говоря уж о «предосудительном»! – в жизни и личности Иисуса, мы исследовали один из монологов Иисуса. Монолог, в котором он сам свидетельствует о том, что его образ жизни воспринимался в народе именно, как *предосудительный* и неподобающий, что выражается в словах о нем, как об «*обжоре и пьянице*».

Так что, как можно видеть, сам Иисус ни себя, ни свою жизнь за «идеал» не выдавал. А это значит, что и предположение о том, что в его прошлом могло иметься нечто такое, что христианским биографам пришлось попросту скрывать и засекречивать, не является ни невозможным, ни, уж тем более, «кощунственным».

Причем, если биографы Иисуса не стали воздерживаться от публикации такого факта, как мнение окружающих об Иисусе, как об «*обжоре и пьянице*», то остается только догадываться, что же могут представлять собой те сведения о его

прошлом, которые заставили обойти его прошлое гробовым молчанием. *Явно, что это нечто более серьезное, чем «он мог выпить и закутить»...*

Глава 4. Совсем не ласковое детство – отношения с матерью...

Продолжим, однако, наше почти детективное исследование, и в поисках «утраченного прошлого» Иисуса, внимательно просмотрим евангельские тексты, взглянув на них незашоренным стандартными христианскими клише взглядом.

И, пожалуй, первое, что мы сможем в этом случае заметить, это указания на то, что *Иисус рос в семье, с которой у него были очень непростые отношения. И в частности – что у него явно были очень плохие отношения с его матерью, Марией.*

Как и в предыдущей главе, я вновь хочу сказать, что понимаю, насколько странно и даже кощунственно звучит это мое заявление для всех, кто привык к традиционным церковному образу идеальных отношений идеальной Матери с идеальным Сыном, но, тем не менее, именно об очень плохих отношениях между ними ясно говорят тексты Евангелий!

Непредвзятое их прочтение позволяет, например, увидеть то весьма интересное обстоятельство, что во всей взрослой проповеди Иисуса, в которой центральное место занима-

ет тема *отношений любви* между Богом и человеком, присутствует образ исключительно лишь *отцовской любви*, при полном отсутствии образов *любви материнской*.

Здесь, с одной стороны, конечно, надо сказать о том, что в образе Бога, как именно Отца, нет ничего удивительного и необычного для любого иудея, включая, разумеется, и Иисуса. Но с другой стороны, следует отметить, что для иудеев было и остается нормой думать о Боге, как об Отце народа, Отце нации, в то время, как у Иисуса, в его личном образе Бога-Отца, есть своя весьма существенная особенность.

У Иисуса в образе Бога Отца доминирует вовсе не образ «отца нации», а отца – любящего главы семьи, отца, у которого с каждым из его детей очень близкие отношения, полные взаимной любви, открытости, полнейшего доверия и понимания. Не случайно Иисус зовет Бога словом «авва/абба» – слова, являющегося аналогом нашего интимно-близкого «папочка».

И вот в этом-то образе совершенной семейной близости, которым Иисус передает отношение Бога к людям, и в котором у Иисуса присутствуют образы отца-папочки, а так же образы братьев и сестер, весьма странным диссонансом выглядит полное отсутствие даже намеков на какой-либо *материнский* образ.

Ведь семья есть семья, и неизбежно возникает вопрос: какая может быть семья, а тем более – «совершенная семья», без материнского в ней присутствия, без присутствия в ней

элемента материнской любви? Но вот, у Иисуса это, как ни странно, именно так – у Иисуса представление о семье явно сформировалось, как представление о семье неполной...

И эту странность нельзя объяснить тем, что у иудеев было принято называть и считать Бога именно отцом, а никак не матерью, и потому-де Иисусу просто и в голову не пришло использовать материнский образ в своих иллюстрациях взаимоотношений человека и Бога.

Тут надо учесть, что хотя называть Бога «матерью» у иудеев (впрочем, как и у русских), действительно не принято, тем не менее, некое «женское начало» в иудаизме все же представлено весьма явственно (опять же, как и в русско-православной культуре, с ее образом Богоматери).

Ведь иудейская Шехина – слово, обозначающее *Присутствие Бога* и считающееся одним из имен Бога, аналог, так сказать, христианского Святого Духа – это, прошу обратить внимание, есть слово *женского рода!*

А это означает, что для каждого человека, для которого слово «шехина» было словом родного языка (то есть, в принципе, для каждого иудея) образ Присутствия Бога в мире и его жизни – это был образ, связанный с пониманием именно *женского присутствия*. Бог, даже будучи Отцом, присутствует в этом мире, как *Шехина*, то есть не только как Он, но и как *Она(!)* – вот норма представления, рождающаяся из самого словообразования, из грамматики языка.

Из всего этого следует, что хотя Бог для Иисуса и был

Отец-Авва, все же присутствие Бога в мире и в жизни, присутствие, выражаемое словом Шехина, словом женского рода, неизбежно воспринималось им, отнюдь не только, как *Его*, но так же и как *Ее* присутствие.

И вот при таком-то, практически произвольном, восприятии и понимании, сформированном еще на детском уровне усвоения значения слов в родном языке, Иисус, тем не менее, ни разу не прибегает к женскому образу матери в своих иллюстрациях отношений Бога с человеком. И это при том, что, как уже говорилось, основной образ этих отношений у Иисуса – это «любящая семья»...

Однако удивляться нелогичности и даже противоестественности такой ситуации можно только в том случае, если считать, что у Иисуса были хорошие или, по крайней мере, просто нормальные отношения с матерью. А вот если отношения на самом деле были плохими, а тем более, если они были такими, что про них лучше уж и не вспоминать, то тогда отсутствие образа матери в его «совершенной семье» становится вполне понятным и объяснимым.

Как те, кто вырос в семье с никудышным отцом, испытывают неприятие к образу Бога, как Отца, так и у тех, у кого были плохие отношения с матерью, имеется вполне понятный психологический барьер перед тем, чтобы включать материнский образ в свои идеальные представления о Боге.

Так что из того факта, что в образном раскрытии темы взаимоотношений Бога и человека, представленном у Иису-

са в виде идеальной семьи, совершенно отсутствует образ матери, можно с полной уверенностью сделать логический вывод о том, что его отношения Марией были очень и очень плохи.

Вместе с тем, сколь бы логичными ни были все эти наши рассуждения и выводы, их, при желании, можно объявить «попросту досужими», основанными на предвзятой логике и стремлении подогнать свои суждения под заранее заданный результат. И понятно, что для того, чтобы избежать этих обвинений в составлении и распространении досужих фантазий, необходимо найти в текстах Евангелий какие-то весомые подтверждения сделанным выводам. Имеются ли такие? Имеются!..

Стоит только внимательно взглянуть на жизнеописание Иисуса в Евангелиях, как обнаружится тот факт, что в трех, так называемых синоптических, Евангелиях мать Иисуса Мария упоминается... *всего один-единственный раз(!)*, причем в ситуации, в которой играет сугубо *отрицательную(!)* роль. И после этого – она навсегда исчезает из повествования и Евангелия от Марка, и Евангелия от Луки, и Евангелия от Матфея...

Она не участвует более ни в одном эпизоде из жизни Иисуса, описанном в этих Евангелиях. Не встретим мы ее ни разделяющей радость своего сына в эпизодах его торжества, ни дарующей ему свою материнскую поддержку в моменты его печалей... Нет ее в повествованиях этих Евангелий под

крестом Иисуса... Нет ее и среди тех женщин, которые потом пришли к его гробнице, чтобы помазать благовониями его тело, тем самым простившись с ним в последний раз...

В самые критические и решающие моменты жизни Иисуса рядом с ним оказывались самые разные люди, и среди них – немало женщин. Их имена точно названы в Евангелиях, но имени Марии, матери Иисуса, среди них нет, что, согласитесь, является фактом весьма значимым, хотя и отнюдь не позитивным...

Я знаю, что для многих раскрытие этого обстоятельства, этого факта, что Мария, на самом деле, лишь *единожды* упоминается в Евангелиях и при этом – исключительно в *негативном* контексте, прозвучит, как полная и даже шокирующая неожиданность. Но с этим ничего не поделаешь! Евангельские тексты ни от кого не скрыты, и относительно Марии они говорят то, что они говорят.

Восприятие же этой информации, как «шокирующей неожиданности», просто лишний раз свидетельствует о распространности и силе привычных церковных шаблонов, «благочестиво» *искажающих* действительность, и о неосознанной, некритической приверженности этим стереотипам множества людей.

При этом понятно, что наличие в привычных нам текстах Матфея и Луки подложных «историй Рождества», создает впечатление просто-таки изобилия позитивной информации о Марии. На этом фоне просто как-то «сам собой» проскаль-

зывает мимо внимания тот факт, что в Евангелии от Марка никакого Рождества почему-то нет совсем, ну а уж отсутствие там так же и не только «святой Девы Марии», а даже и «просто хорошей» Марии – это и вовсе оказывается невидимым глазу!

Что ж, Евангелию от Марка посчастливилось не подпасть под дописывание к нему «рождественских историй». Написанное раньше всех других Евангелий, оно вообще больше других отражает реальную ситуацию с реальной жизнью реального Иисуса из Назарета, менее остальных страдая картинностью, помпезностью и приукрашенностью.

Однако привычка воспринимать это Евангелие не само по себе, не как самостоятельное произведение, самостоятельную книгу, а исключительно в контексте Матфея и Луки, как некий сокращенный и неполный «конспект» этих Евангелий, долгие годы и лично со мной играла злую шутку.

Но Евангелие от Марка – это именно самостоятельное произведение! Марк не только не составлял своего жизнеописания Иисуса Христа, как «краткий и неполный вариант» Матфея и Луки, но напротив – именно Матфей и Лука писали свои труды, как «расширенный и дополненный» вариант книги Марка, в чем сегодня не сомневается ни один специалист по новозаветным текстам.

Так что именно на тексты Марка и следует ориентироваться прежде всего, если мы хотим составить о евангельских событиях представление, наиболее близкое к реальности. А в

том, что касается Марии, это Евангелие сообщает абсолютно однозначную и недвусмысленную информацию: Мария совершенно не понимала своего сына, не принимала того, что он делал, и отношения между ней и Иисусом были скорее враждебными, нежели хотя бы просто нормальными.

Впрочем, в том, что касается описания Марии и ее роли в жизни Иисуса, то аутентичные – подчеркиваю, именно аутентичные! – тексты Евангелия от Матфея и Евангелия от Луки ничуть с Евангелием от Марка не расходятся. Здесь только необходимо принять во внимание, что доказанная в первой части этой книги подложность и недостоверность сказаний о Рождестве, требует их исключения из текстов Матфея и Луки, и что именно при их исключении мы и получаем вариант аутентичных текстов.

А без подложных рождественских сказаний, *все четыре Евангелия* Нового Завета весьма гармонично одинаково(!) начинаются с описания одного и того же события крещения Иисуса, а *все три «синоптических» Евангелия* (Марка, Матфея и Луки) дают совершенно одинаковую информацию о Марии!

В аутентичных текстах этих Евангелий, Мария абсолютно одинаково появляется всего один-единственный раз, и при этом – в одной и той же неприглядной истории и сугубо негативной в ней роли. И каким бы прискорбным ни показался кому-либо сей текстологический факт, но он является именно фактом, а не, скажем, моим досужим измышлением, и на

этот факт следует обратить пристальное внимание каждому, кто правду предпочитает выдумкам, какими бы привычными и «красивыми» они ни были.

Неприглядную же эту историю, о которой идет речь, и роль в ней Марии мы подробно рассматривали в главе про Рождество. Но кратенько вспомним о ней и сейчас. Вот, как она описывается в Евангелии от Марка:

"Иисус возвращается домой. Снова собирается такая толпа, что они не успевают даже кусок хлеба съесть. Когда его близкие услышали об этом, они пришли, чтобы увести его силой, решив, что он сошел с ума. Учителя Закона, пришедшие из Иерусалима, говорили: В нем Вельзевул! Это старший над бесами дал ему силу изгонять бесов!.. Тем временем пришли его мать и братья и, стоя снаружи, послали вызвать его. Вокруг него сидела толпа. И тут ему говорят: Там на улице твоя мать, братья и сестры, спрашивают тебя. – Кто для меня мать и братья – сказал им в ответ Иисус. И, оглядев тех, кто сидел вокруг него, сказал: Вот мои мать и братья!" (Мр.3:20-22, 31-34, перевод РБО).

Как можно видеть, из этой истории совершенно очевидным становится факт наличия полнейшего непонимания между Марией и Иисусом. Иисус проповедует, послушать его собираются целыми толпами, но то, что он проповедует, не совпадает с учением тех, кого почтительно называли «учителями Закона». Особенное же раздражение и озлобление вызывают случаи исцеления людей, происходящие во

время проповедей Иисуса. Понятное дело: такие «неправильные» проповеди, с такими «неправильными» мыслями – и вдруг столько исцелений! Откуда, почему, каким образом?! Ответ для «специалистов по Богу» очевиден: от Бога эти исцеления быть не могут, поскольку Бог не может быть на стороне этого «*обжоры и пьяницы*», значит это «*старший над бесами дал ему силу изгонять бесов*».

Тут надо учесть, что в те времена наличие болезней объяснялось исключительно действием «враждебных сил» и, соответственно, «одержимостью бесами», а потому и выздоровление воспринималось, как акт «изгнания бесов». Соответственно и случаи исцелений, производимых Иисусом, трактовались аналогичным образом.

Однако, ввиду «неправильности» учения Иисуса (ведущего, к тому же, еще и «неправильный» образ жизни!) случаи «изгнания бесов», производимые им, объявлялись не иначе, как «рекламной акцией» Вельзевула, заманивающего таким образом наивных простаков. Относительно же Иисуса, они объявляли, что он сам одержим бесами – и не просто бесами, а самым начальником над бесами, Вельзевулом! – и относиться к нему следует соответствующим образом.

Иисус же был уверен в обратном, всегда утверждая, что случаи исцеления являются зримыми подтверждениями правоты его понимания Бога, его учения, и что происходят они исключительно по действию Святого Духа Божия. Поэтому всякого, кто объявлял его исцеления результатом

«действия сатаны», Иисус ответно объявлял совершающим акт оскорбления Святого Духа. Согласно евангельским текстам, Иисус даже объявил, что такое оскорбление является грехом, который не может быть прощен.

Лично мне трудно поверить в то, что Иисус, с его учением Абсолюта Любви, мог грозить кому бы то ни было «непрощаемым грехом», и я склонен думать, что эти и другие угрозы в уста Иисуса вложили уже богословы начала церковной эры, но сейчас мы говорим не об этом. Мы говорим о том, что эти тексты отражают серьезнейший конфликт Иисуса с религиозными властями того времени, конфликт не на жизнь, а на смерть, причем отнюдь не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова.

И вот на чьей же стороне в этом конфликте оказывается мать Иисуса? Все три Евангелия, содержащие описание этого случая, синхронно утверждают, что Мария оказалась в лагере смертельных врагов Иисуса, а отнюдь не с ним, своим сыном!..

Не своему сыну, а именно его врагам поверила она, именно их трактовке событий и их «объяснениям». Она согласилась с ними в том, что Иисус *«сошел с ума»*, то есть – что он «одержим»! И она решила предпринять меры пресечения: она собрала других своих взрослых сыновей, братьев Иисуса, и пришла вместе с ними не для чего иного, как для того, чтобы *«увести его силой»*(!), то есть для того, чтобы решительно прервать его деятельность, применив для этого

«необходимое» насилие.

Иисус на это отвечает тем, что не только полностью игнорирует этот «родственный визит», но, по сути, чуть ли не отрекается и от матери, и от братьев с сестрами, объявив, что только те, кто слушают его и принимают услышанное – только они и есть для него «и мать, и братья».

Таким образом, в течение первых трех столетий своего существования, пока к Евангелиям не были добавлены рождественские сказания, единственной информацией о Марии, которую христиане черпали у Марка, Матфея и Луки, была вот эта единственная история. И как вы думаете, каково же было их впечатление и мнение о взаимоотношениях Иисуса и его матери? Понятно, что именно то впечатление и то мнение, какое и передавали Евангелисты в своих писаниях: отношения Иисуса и Марии были где-то в промежутке между «плохими» и «враждебными»...

Выпавшее пока из нашего рассмотрения Евангелие от Иоанна, хотя этой истории и не содержит, тем не менее, ничего позитивного в эту картинку не добавляет. Прежде всего, отметим, что в нем так же, как и у Марка, никогда не было никаких рождественских сказаний, то есть для его читателей Мария в сугубо положительном образе «богоизбранной девы» никогда не появлялась. Однако при этом так же необходимо отметить, что в отличие и от Марка, и от двух других «синоптиков», Мария появляется в повествовании Иоанна в два раза чаще – то есть уже не один, а «целых» два раза.

Первый раз – в некоей странноватой истории, в которой она с Иисусом присутствует на какой-то свадьбе, по ходу которой гостям не хватило вина. Видя сие печальное обстоятельство, Мария уговаривает Иисуса помочь хозяевам устранить возникший дефицит спиртного.

При этом из контекста становится понятно, что она имеет в виду не то, что Иисус должен либо сам куда-нибудь «сбегать за этим делом», или послать в качестве «гонца» кого-нибудь из своих, присутствовавших там, учеников. Из контекста становится понятно, что Мария намекает на некие сверхъестественные способности Иисуса, которые он, по ее мнению, должен реализовать в данном конкретном случае. Иисуса, однако, такой энтузиазм Марии поначалу совсем не вдохновляет, он вяло отнекивается, но потом все же решает уступить и производит свое достаточно знаменитое чудо превращения воды в вино.

Казалось бы, в этой истории все обстоит совсем не так, то есть – гораздо лучше, чем в пресловутой истории «родственного визита» в синоптических Евангелиях. Здесь Мария демонстрирует понимание и признание того, что ее сын обладает сверхъестественными способностями, она не препятствует ему, и даже настаивает на том, чтобы он их применил. Однако и от этой, «более благополучной» истории, впечатления остаются отнюдь не однозначные.

Во-первых, достаточно странной выглядит сама ситуация, в которой Мария обращается к Иисусу, как к какому-нибудь

факиру, как к фокуснику, способному доставать кроликов из цилиндра, а потому могущему «учудить» что-нибудь и на счет вина на свадьбу...

Во-вторых достаточно странным получается у нее и краткий диалог с сыном, который хотя и исполняет в итоге ее просьбу, тем не менее, не сдерживается от выражения своего недовольства ею. Причем весьма показательным то, в каких выражениях Иисус общается со своей матерью, высказывая это свое недовольство.

«Когда кончилось вино, мать Иисуса говорит ему: У них нет вина. – Что мне до этого, женщина? – отвечает ей Иисус» (Ин. 2:3-4, перевод РБО).

Не правда ли, как-то не очень тепло и любезно? Скорее даже наоборот – очень холодно и отстраненно звучит его фактическое: «Мне-то какое дело до всего этого?!..», – особенно с учетом завершающего эту фразу обращения к матери словом «*женщина*»(!).

Так что и данный эпизод из Евангелия от Иоанна, при всем том, что завершается он все же исполнением просьбы Марии, тем не менее, больше говорит о проблемных взаимоотношениях между Иисусом и его матерью, нежели о наличии гармоничного взаимопонимания между ними. И выраженное Иисусом недовольство, и, самое главное, обращение к матери словом «женщина» – это, согласитесь, верный признак отношений отнюдь не добрых и хороших...

Еще один эпизод с участием Марии в Евангелии от Иоан-

на, это сцена у креста, в которой описывается, как Иисус, уже будучи распят, перепоручает заботу о своей матери одному из своих учеников. Вот описание этой сцены в Евангелии:

«Иисус, увидев мать и рядом с ней ученика, которого любил, говорит матери: – Женщина, вот твой сын. А потом говорит ученику: – Вот твоя мать. И с той поры ученик взял ее к себе» (Ин. 19:26-27, перевод РБО).

Прежде всего, об этой сцене следует сказать, что она едва ли может быть признана достоверной. Евангелие от Иоанна было написано гораздо позже трех других новозаветных Евангелий, и поэтому абсолютно синхронное отсутствие в этих более ранних Евангелиях упоминаний о Марии в поименном перечне тех женщин, что присутствовали при распятии Иисуса, заслуживает гораздо большего доверия.

В самом деле, если бы мать Иисуса действительно присутствовала при распятии, и об этом знал ученик Иисуса по имени Иоанн, то об этом же не могли бы не знать и другие ученики, в частности Матфей, а также и первые ученики учеников – Марк и Лука.

Однако ни один из них, – ни Марк, ни Матфей, ни Лука, – описывая сцену распятия и *поименно* перечисляя тех, кто там был, Марии, матери Иисуса, там не указал. Не знать все втроем о ее там присутствии – если бы она там была! – они не могли, как не могли и знать, но зачем-то скрыть это. Значит, их солидарное молчание о Марии под крестом может быть объяснено только ее действительным там *отсут-*

ствием, и тем, что ученики именно об этом ее отсутствии и знали.

Так же, как и причину появления в написанном десятки лет спустя Евангелии от Иоанна упоминания о присутствии Марии при распятии, вполне можно разглядеть в самом содержании описываемой сцены. Чуть внимательнее приглядевшись, можно увидеть, что Мария в ней – отнюдь не главное действующее лицо, а лишь пассивный фигурант, не выполняющий ровно никакого действия, а являющийся лишь, если можно так выразиться, «объектом передачи». Действующие лица здесь – это только Иисус и сам Иоанн: Иисус поручает Иоанну заботу о Марии, и тот принимает на себя исполнение этого поручения.

Отступая чуть в сторону, стоит заметить, что аспект этого препоручения заботы, на самом деле является доводом в пользу вывода о недостоверности описываемого события. Ведь если бы Иисус действительно дал такое знаковое поручение Иоанну, тот однозначно рассказал бы о нем другим ученикам, в результате чего об этом непременно было бы упомянуто и в других Евангелиях. Отсутствие же таковых упоминаний неумолимо свидетельствует о том, что ничего такого Иоанн никому не рассказывал, что означает, что ничего такого с ним и не происходило.

Возвращаясь же к причинам появления этой сцены, то, учитывая, что ее основной смысл заключается в фиксации события передачи прав и обязанностей, можно сделать вы-

вод, что именно ради этой фиксации она и была помещена в текст Евангелия.

Возможно, некоей общине, к которой принадлежал либо сам Иоанн, либо тот, кто в действительности написал это Евангелие, общине, возможно действительно взявшей на себя заботу о матери Иисуса, для чего-то потребовалась такого вот рода «легализация» этой их заботы. Зачем и почему? Это, увы, скрыто в тумане минувших тысячелетий, как, собственно, и сама реальная судьба Марии... Но, во всяком случае, эта версия хоть как-то объясняет иначе совсем необъяснимый факт появления в тексте Евангелия от Иоанна этой, явно недостоверной, истории.

В контексте же нашего исследования темы взаимоотношений Иисуса и его матери, отметим тут два обстоятельства. Первое: Мария вовсе не является главным смысловым центром этой сцены; ее смысловой центр – это поручение Иисуса, а Мария – лишь объект этого поручения. Второе же, еще более важное обстоятельство, это то, что даже в этой, хотя и придуманной, но все же чрезвычайно драматичной сцене, Иоанн не вложил в уста Иисуса никакого иного обращения к своей матери, кроме все того же пресловутого «*женщина*».

И это – обращение к своей матери человека, висящего на кресте! Сквозь все свои муки и отчаяние, он, вдруг увидевший рядом свою родную мать, не находит другого к ней слова, кроме как «*женщина*»?!

Что-то абсолютно неестественное, искусственно-схема-

тичное есть в этой картинке, что лишь подтверждает вывод о том, что она является придуманной. Но какой бы придуманной она ни была, стоит обратить внимание на тот факт, что автору, написавшему эту сцену, даже и в голову не пришло, что Иисус может как-то иначе, теплее и человечнее обратиться к своей матери.

Поскольку же автор Евангелия (был ли это сам Апостол Иоанн, или кто-то другой) был, совершенно очевидно, из христианской среды, по его творчеству можно судить о том, какие именно представления об отношениях Иисуса и Марии бытовали среди христиан в конце первого, начале второго веков нашей эры...

Совершенно очевидно, что были они тогда совсем не такими, как сегодня, и даже больше можно сказать – были они прямо противоположны сегодняшним. И сохранялось такое положение дел вплоть до появления в 4 веке в текстах Евангелий от Матфея и Луки рождественских сказаний, в которых Мария представлена чуть-чуть только не ангелом небесным.

С этого же века, не ранее, началось и церковное почитание Марии, как Богородицы и Приснодевы. А до этого, в течение всех первых трех столетий, жили христиане, уверенные, что отношения Иисуса и его матери были очень плохими, о чем и было написано в их Евангелиях, и остается, собственно, точно так же написано и сегодня. Только сегодня это уже гораздо хуже видно из-за затмевающего глаза блеска

рождественской елочной мишуры...

Итак, наше ранее высказанное предположение о плохих отношениях Иисуса с его матерью, основывавшееся до сих пор на анализе лишь того факта, что в проповеди Иисуса есть великолепный образ отца, но полностью отсутствует образ матери, получило подкрепление со стороны других, совершенно уже очевидных текстологических фактов.

Таким образом, его можно считать, хотя и полностью опровергающим все традиционные церковные представления, тем не менее – полностью же и подтвержденным прямыми свидетельствами новозаветных текстов.

А это значит, что можно считать установленным, что Иисус рос в семье, с которой у него были отношения, увы, полностью укладывающиеся в понятие *неблагополучные*. Точно можно сказать, что с матерью, а так же с братьями и сестрами у него явно не ладилось. А что можно сказать о его отношениях с отцом?..

Глава 5. Отношения с отцом.

Что касается отца Иисуса, то тут мы имеем, увы, еще меньше информации, чем в отношении его матери. Как действующее лицо он вообще не появляется ни в одном из Евангелий. Единственное, что можно найти о нем – это несколько упоминаний его имени – Иосиф, – да и то имеющих лишь

в двух Евангелиях из четырех. Ни в Евангелии от Марка, ни в Евангелии от Матфея не упомянуто даже имени отца Иисуса.

В Евангелии от Луки, кроме имени Иосиф, сказано так же, что отец Иисуса был плотником. Впрочем, греческое слово, переведенное, как «плотник», имеет кроме этого еще ряд значений, связанных с различными строительными специальностями. Так что, в принципе, он мог быть и каменщиком, а вообще-то, пожалуй, лучше было бы перевести указание на профессию Иосифа словом «строитель».

Но так или иначе, а имя и указание на род занятий – это единственная прямая информация, которую мы можем найти в жизнеописаниях Иисуса относительно его отца.

Из косвенных же выводов относительно Иосифа, самым распространенным и официально принятым является вывод о том, что Иосифа уже не было в живых, когда Иисус начал свое проповедническое служение. Вывод этот является именно косвенным, поскольку сделан он не на основании *наличия* каких либо прямых упоминаний об этом, а лишь на основании *отсутствия* упоминаний об Иосифе, как о действующем лице в евангельских повествованиях.

Еще одним такого рода выводом является общераспространенное убеждение, что Иосиф не был родным отцом Иисуса, а был ему лишь отчимом. В христианстве это убеждение сложилось в 4 веке, после появления в Евангелиях Рождественских историй, в коих говорится о том, что Иисус

был зачат Марией от Святого Духа, и Иосиф женился на Марии, когда она уже была беременна.

В иудаизме же культивируется версия, что Мария, уже будучи женой Иосифа, забеременела Иисусом, тем не менее, не от своего мужа, а в результате связи с неким римским воином, по имени Пантера. Так что и в этом, «вражеском» варианте, Иосиф оказывается лишь отчимом Иисуса.

Однако непосредственно в текстах Евангелий, Иосиф упоминается именно как отец Иисуса, и никогда, как отчим. Надо думать, что христиане первых трех веков именно так и считали: не имея еще рождественских сказаний, они были убеждены, что Иосиф был не только мужем Марии, но и родным отцом Иисуса.

В более позднем, «пост-рождественском» христианстве на это перестали обращать внимание, полностью сориентировавшись на рождественские сказания, в соответствии с которыми Иосиф оказывался отчимом, а тот факт, что в Евангелиях окружающие называли его отцом Иисуса, объясняли тем, что они просто ничего не знали о чудесах Рождества.

Так что, в итоге, мы приходим к тому, что невозможно даже сделать однозначный вывод о том, был ли Иосиф родным отцом Иисусу, или же отчимом. Но так или иначе, а одно можно сказать совершенно, я думаю, однозначно: относился Иосиф к Иисусу – сыну ли, пасынку ли, – чрезвычайно хорошо!

Ведь, как уже не раз отмечалось, именно образ отца стал

для Иисуса воплощением любви, доброты, понимания и заботы, и именно этими качествами он в дальнейшем наполнил свой образ Бога-Отца. Так что едва ли можно сомневаться, что именно позитивное влияние Иосифа, та любовь, которую он проявлял к Иисусу и определила формирование того абсолютно уникального образа Бога-Аввы, Бога-Папочки с которым Иисус и вышел на историческую сцену человечества.

Однако все прекрасные качества, проявлявшиеся со стороны Иосифа, вовсе не гарантировали, что отношения между Иисусом и его отцом (будем все-таки говорить именно так) были хорошими. Отсутствие взаимопонимания с одним из родителей зачастую формирует проблемные отношения и со вторым родителем, и со всеми другими членами семьи, что особенно касается детей в непростом подростковом возрасте.

Так что, подводя итоги этому, получившемуся совсем небольшим, разделу, посвященному отцу Иисуса, приходится констатировать, что о нем нам известно лишь то, что звали его Иосиф, и что зарабатывал он на жизнь работами в сфере строительства. Вместе с тем, это, судя по всему, был человек, отличавшийся какими-то замечательными добрыми внутренними качествами, оказавшими впоследствии огромное влияние на формирование итогового мировоззрения Иисуса.

Глава 6. Побег из семьи...

Как можно видеть, детство Иисуса проходило в семье, с которой у него были сложные отношения, обусловленные, прежде всего, плохими взаимоотношениями с его матерью, Марией. Напряженные отношения и неизбежные стычки с матерью, конечно же, создавали общую тяжелую для Иисуса атмосферу взаимоотношений в семье, формируя в нем комплекс изгоя, комплекс «чужака среди своих». И записанные в Евангелии от Марка, и рефреном звучащие во всех остальных Евангелиях, горькие слова Иисуса: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников, и в доме своем» (Мр.6:4), – лишь подтверждают этот вывод.

Кроме того, анализируя содержание Евангелия детства от Фомы, можно прийти к выводу, что в детстве Иисус мог отличаться достаточно агрессивным поведением. Судите сами: почти половина описанных там эпизодов – это сцены, в которых разные люди либо заболевают и становятся калеками, либо умирают в результате того, что по каким-то причинам рассердившийся на них мальчик-Иисус проклинает их.

Едва ли автор этого произведения не был знаком с содержанием тех Евангелий, которые считаются каноническими, и не видел, что Иисус, описываемый в них, являет собой образ человека, который менее всего может быть ассоциирован

с агрессивностью, с желанием проклинать и мстить за себя. Тогда каким же образом в его описаниях детских лет Иисуса могло оказаться столько именно такого рода сцен? Как могло прийти ему в голову, что Иисус, проповедовавший о любви к врагам, в детстве мог отличаться мстительностью и желанием проявлять свои «сверх способности» в отмщение тем людям, которые чем-либо не угодили ему?

Разумеется, если автор Евангелия детства представлял себе Божественное всемогущество, как возможность (в том числе) в любой момент неограниченно жестоко карать любого, кто был сочтен провинившимся, то тогда сцены проявления такого рода «могущества» становятся в его Евангелии просто-таки смысловой необходимостью. Но, вместе с тем, авторы канонических Евангелий тоже имели именно такие представления, однако никто из них не поместил в свои повествования никаких историй, в которых Иисус проявлял бы некую «всемогущую мстительность» по отношению к своим врагам. Единственная история, которая может быть отнесена к этому классу – это история с проклятием смоковницы, но несчастное засохшее дерево, это все-таки лишь дерево, а никак не люди.

Как же автору Евангелия детства могло прийти в голову, что для Иисуса в детстве могли быть характерны поступки, абсолютно не присущие ему во взрослом состоянии? И даже если речь идет о проявлении «божественного всемогущества», то почему, по мнению автора Евангелия детства, оно

всемогущество могло в детстве проявляться Иисусом таким образом, каким он никогда не проявлял его, будучи взрослым?

Вариантов ответа тут может быть, на мой взгляд, лишь два. Первый (и наименее вероятный) – это вариант, объясняющий появление такого рода сцен исключительно безудержной творческой фантазией автора данного Евангелия. Просто взял человек, да и вписал в придуманное им «детство» выдуманные им проявления «святой жестокости», не задумываясь о возникшей в результате этого явной нестыковке образа Иисуса-ребенка с образом Иисуса-взрослого в других Евангелиях.

Такое, разумеется, могло произойти, но все же, проявление столь легкомысленно-пренебрежительного отношения к текстам Евангелий, описывающих деяния взрослого Иисуса, автором, взявшимся описать его детство, выглядит, по меньшей мере, странно. В особенности, если сей автор и впрямь руководствовался в своей работе исключительно собственной фантазией, сочиняя свои истории, как говорится, «на пустом месте». В этом случае он должен был бы обладать прямо-таки исключительной самонадеянностью в своей готовности конфликтовать с авторами других, уважаемых во множестве христианских общин и потому признанных впоследствии каноническими, жизнеописаний Иисуса.

Посему, гораздо более вероятным, на мой взгляд, является вариант допущения того, что автор Евангелия детства все

же обладал некой информацией о реальном детстве Иисуса, информацией, содержащей в себе сцены, в которых Иисус представлял отнюдь не «пай-мальчиком». И полностью, по-видимому, доверяя источнику этой информации, автор эти сцены не проигнорировал, а перетолковал из простой детской агрессивности в проявления «карающего божественного всемогущества», в таком виде и поместив их в свое повествование.

В этом случае, имея обоснование в виде рассказов надежного свидетеля, автор Евангелия детства действительно мог достаточно уверенно публиковать такие истории из детской жизни Иисуса, которые, даже в переделанном «на божественный лад» виде, очень плохо стыковались с образом взрослого Иисуса. Уж стыкуются эти детские истории со взрослыми или не стыкуется – а надежный человек рассказывал, что было вот именно так...

Аналогичные истории можно найти и в другом апокрифе – Арабском евангелии детства. Но этот апокриф (как и еще один, содержащий рассказы о детстве Иисуса – Протоевангелие от Иакова) написан явно не раньше 5-6 веков, о чем говорят содержащиеся в нем восхваления Марии, вошедшие в христианское богословие лишь в этот период.

Евангелие же детства от Фомы не только не содержит никаких восхвалений Марии, но даже ни разу не упоминает ее имени, в отличие от имени ее мужа Иосифа, о котором, как об отце Иисуса, вообще говорится в нем гораздо чаще, чем о

матери. Поэтому данное произведение, датированное 2 веком н.э., действительно могло быть написано именно в это время, если не раньше. И в таком случае, содержащиеся в нем сведения действительно могли иметь под собой подлинную, реальную основу.

Так что, основываясь на этих сведениях, как на – с большой долей вероятности, – достоверных, мы можем признать вполне обоснованным сделанный в начале этого раздела вывод о том, что в детстве Иисус был отнюдь не «пай-мальчиком» и мог отличаться достаточно агрессивным поведением, в особенности реагируя на поступки людей, которые ему не нравились.

Ну, а история Евангелия детства от Фомы о том, как Иисус в 12 лет спокойно провел вне семьи целых три дня, будучи забыт в Иерусалиме после завершения паломничества, еще в древности была сочтена достоверной и «достойной» включения в состав рождественских сказаний, дописанных в 4 веке к Евангелию от Луки. С тех пор, именно в качестве достоверной, она и распространяется христианством.

А ведь это история о том, что уже в 12 лет Иисус вовсе не был домашним ребенком, привязанным к домашнему очагу и боящимся остаться без родительской опеки и заботы. В течение трех дней, оказавшись один в большом городе, он умудрялся находить себе и пищу, и кров, и компанию, так что в итоге был не очень-то и рад нашедшим его родителям, намекнув им в разговоре, что не считает их дом своим род-

НЫМ ДОМОМ...

Вся эта информация подводит нас к выводу, что отсутствие каких-либо сведений о детско-отроческом периоде Иисуса может объясняться тем, что был он в этот период отнюдь не «божьем ангелом», а «трудным ребенком», росшим в атмосфере конфликта со своей семьей (и особенно с матерью) и отличавшимся агрессивным поведением в отношении окружающих. А история с его трехдневным самостоятельным пребыванием в Иерусалиме в возрасте 12 лет, может говорить о его склонности и способности жить вне семьи, – склонности, которая могла привести к тому, что в вышеописанной ситуации подросток-Иисус вполне мог, в один прекрасный день, попросту сбежать из дома.

И такой побег, такой поворот событий, не мог, разумеется, привести ни к чему хорошему. В Евангелии от Луки есть одна очень и очень любопытная притча, которую принято называть притчей о блудном сыне. Притчу эту рассказывает сам Иисус, и говорится в ней о достаточно печальной судьбе одного молодого человека, решившего как-то по собственной воле покинуть отчий дом. И хотя общий финал у этой притчи позитивен, все же она описывает, что очень горького горя этому молодому человеку пришлось нахлебаться просто, что называется, под завязку.

Может ли оказаться так, что эта притча является (если не в деталях – то в сюжетно-смысловой основе) *автобиографической* для Иисуса? Что ж, по меньшей мере, наши выводы

об Иисусе, как о неблагополучном подростке, имевшем проблемы в семье (прежде всего – с матерью) и с окружающими, делают такое допущение вполне возможным. Кроме того, притча эта настолько необычна, настолько нестандартна по своему содержанию (и прежде всего – по содержанию своего финала), что полностью *выдумать* ее, едва ли кому-нибудь вообще и удалось бы!

Финал этой притчи настолько далек от стандартной морально-религиозной назидательности, что человеку, ни с чем подобным в своей жизни никогда не сталкивавшимся, невозможно не только самому придумать такую историю, но даже и всерьез принять ее из чьих бы то ни было уст. Я лично знал одного пастора (отнюдь не последнего человека в христианско-протестантских кругах Санкт-Петербурга), который публично, с кафедры своей церкви, отрекся от этой притчи, как от недостоверной, в виду ее очевидной, на его взгляд, *вредоносности*!

Финал этой притчи, в котором отец принимает своего сильно прощтрафившегося сына с абсолютной любовью, не только никак не наказав его, но даже и не сказав ему ни слова осуждения, упрека или хотя бы поучения, мой знакомый пастор счел исключительно развращающим. Мораль этой притчи он счел абсолютно аморальной, поскольку она, на его взгляд, лишь пропагандировала безнаказанность, чем потворствовала легкомысленно-развратному отношению к жизни...

И саму эту притчу, и очень показательное отношение к ней этого пастора мы подробно рассмотрим в дальнейшем, в главе, посвященной установлению того, что же на самом деле представляло из себя подлинное учение Иисуса Христа. Пока же отметим то, что притчу о блудном сыне можно действительно рассматривать, как притчу, имевшую под собой именно *автобиографическую основу*, а не как некую поучительную историю, просто *сочиненную* Иисусом.

Как показывает опыт неприятия содержания этой притчи человеком, который был не просто убежденным христианином, но христианином, придерживавшимся взглядов протестантского фундаментализма о так называемой «непогрешимости Библии», притча о блудном сыне не укладывается в рамки обычного религиозного мировоззрения. Человек, убежденный, что Библия есть «слово Бога, верное в каждой букве», тем не менее, признает ложным довольно существенный отрывок текста этого самого «слова Бога», чем, конечно же, ставит себя в затруднительное положение, но, тем не менее, другого варианта он для себя не находит.

Он убежден, что Иисусу Христу такая притча просто не могла прийти в голову, и *в этом* лично я могу с ним только согласиться! Скажу больше – я думаю, что такая притча вообще никому бы не могла прийти в голову! Такую историю, какая описана в этой притче просто невозможно было бы выдумать – ее надо было обязательно *пережить*, причем пережить *именно самому*...

Вариант, что Иисус мог, скажем, просто услышать эту историю, эту притчу от кого-то, а затем лишь пересказать ее, не указывая первоисточника, так же маловероятен, как и вариант, что он все просто выдумал. Еще раз подчеркну, что только личный опыт переживания такого рода событий, дает возможность увидеть в такой истории не просто нечто «любопытное, но сомнительное» в плане нравственного значения. Только личный опыт позволяет, исключив всякие сомнения, уверенно передавать эту историю, как пример – ни много, ни мало, – проявления и действия совершенной любви самого Бога!

Вспомним моего знакомого пастора: он историю «блудного сына» не просто от кого-то услышал, он ее прочитал в Священном Писании, в книге, чтимой им, как «верное в каждой букве Слово Божье», где эта притча вложена в уста ни кого иного, как Иисуса Христа. И что? Не смотря на всю сверх-авторитетность источника, откуда он почерпнул данную притчу, этот человек категорически все отверг! Его пример весьма показателен в плане рассуждений о том, мог ли Иисус рассказать притчу о «блудном сыне», основываясь не на собственном опыте, а просто на чьих бы то ни было рассказах...

Нет, такую притчу, которую крайне маловероятно и выдумать самому, и принять всерьез, если просто когда-то от кого-то услышал, Иисус мог рассказать, только *лично пережив* если не все, о чем говорится в притче, то нечто к тому

близкое, и это значит, что притчу о блудном сыне можно и нужно рассматривать, как драгоценное автобиографическое свидетельство самого Иисуса о самом себе!

Давайте прочтем сейчас эту притчу и посмотрим, что же сам ее автор сообщает нам через нее о своей жизни...

«У одного человека было два сына. Младший сказал отцу: «Отдай мне часть имущества, что мне причитается». И тот разделил имущество между сыновьями. Через несколько дней младший сын, все распродав, уехал с деньгами в далекую страну. И там, ведя беспутную жизнь, промотал все, что у него было. После того, как он все истратил, в той стране настал сильный голод, и он стал бедствовать. Он пошел и нанялся к одному из местных жителей, и тот послал его в свое имение пасти свиней. Он уже готов был есть стручки, которыми кормили свиней, ведь ничего другого ему не давали. И тогда он, одумавшись, сказал себе: «Сколько работников у моего отца, и все едят до отвала и еще остается, а я тут погибаю с голоду! Пойду, вернусь к отцу и скажу ему: «Отец, я виноват перед небом и перед тобой. Я больше не достоин зваться твоим сыном. Считай, что я один из твоих работников». И он немедленно пошел к отцу. Он был еще далеко, когда отец увидел его, и ему стало жалко сына. Он побежал, бросился к сыну на шею и поцеловал его. Сын сказал ему: «Отец, я виноват перед небом и перед тобою. Я больше недостоин зваться твоим сыном». Но отец сказал слугам: «Быстрее принесите сюда самую луч-

шую одежду и оденьте его. Оденьте ему перстень на руку и сандалии на ноги. Приведите и зарежьте откормленного теленка. Будем есть и веселиться. Ведь это мой сын: он был мертв, а теперь ожил, пропадал и нашелся». И они устроили праздник

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.